

полная коллекция

Идрис Шах

Путь суфия

Идрис Шах
Путь суфия

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Шах И.

Путь суфия / И. Шах — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-063-4

Суфий, оставаясь человеком «вне времени» и «вне места», приводит в действие свой опыт в контексте той культуры, страны и обстановки, в которой он живет. Таким образом, изучение суфийской деятельности, имевшей место исключительно в культурах давно ушедших, представляет ценность только для тех, кто специализируется в узкой области схоластической науки. Рассматривать же суфийскую деятельность просто как явление литературного, религиозного или философского порядка, значит прийти не более чем к искаженному толкованию суфийского пути. Таким же сравнительно бесполезным занятием будут попытки извлечь из суфизма теорию или систему, чтобы затем обособленно изучать ее. Цель этой книги — представить суфийские идеи, деятельность и устные предания не в качестве музейных редкостей или объектов для разглядывания под микроскопом, но в их созвучии с нынешним обществом — с тем, что мы называем современным миром.

ISBN 978-5-91051-063-4

© Шах И.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Вступление	6
1	7
Существующие теории о суфизме	7
Ограниченность современного подхода к суфизму	11
Проверка литературных материалов путем прямого контакта с суфизмом	14
Ошибки в понимании суфийских идей и определений	17
Формы суфийской деятельности	23
Трудности в понимании суфийских идей	28
2	32
Аль – Газали	32
Омар Хайям	38
Аттар из Нишапура	41
Ибн Эль-Араби	50
Саади из Шираза	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Идрис Шах

Путь суфия

Быть Суфием – значит избавиться от застывших идей и предвзятых мнений и не пытаться избежать своей судьбы.

АБУ САИД, сын Хаира

Оторви свой взгляд от моей внешности и бери то, что я тебе даю.

ДЖАЛАЛУДДИН РУМИ

Вступление

Суфий – тот, кто поступает, как все, когда в этом есть необходимость, а также тот, кто поступает иначе – как поступить не может никто другой – когда на то есть указание.

НУРИ МОДЖУДИ

Наблюдая, как много людей публично заявляют о том, что суфийское знание привело их в замешательство, приходишь невольно к заключению, что все эти люди сами хотят пребывать в замешательстве. Другие, по причинам более очевидным, склонны упрощать все до такой степени, что их «суфизм» – всего-навсего культ любви или созерцания или чего-то такого, чему они сами отдают предпочтение.

Но если взглянуть на суфизм хоть сколько-нибудь непредвзято, невозможно не заметить общую черту, характерную для различных видов суфийской деятельности.

Суфийские мудрецы, школы, писатели, учения, юмор, мистицизм, формулировки – за всем этим стоит намерение приспособить определенные человеческие идеи к социальным и психологическим условиям.

Суфий, оставаясь человеком «вне времени» и «вне места», приводит в действие свой опыт в контексте той культуры, страны и обстановки, в которой он живет.

Таким образом, изучение суфийской деятельности, имевшей место исключительно в культурах давно ушедших, представляет ценность только для тех, кто специализируется в узкой области схоластической науки. Рассматривать же суфийскую деятельность просто как явление литературного, религиозного или философского порядка, значит прийти не более чем к искаженному толкованию суфийского пути. Таким же сравнительно бесполезным занятием будут попытки извлечь из суфизма теорию или систему, чтобы затем обособленно изучать ее.

Цель этой книги – представить суфийские идеи, деятельность и устные предания не в качестве объектов для разглядывания под микроскопом и отнюдь не для того, чтобы заявить об их ценности в качестве музейных экспонатов, но для того, чтобы показать их актуальность в сегодняшнем обществе, называемом нами современным миром.

Лондон, 1968 г. ИДРИС ШАХ.

1

Изучение суфизма на Западе

Существующие теории о суфизме

Представим себе человека, который до сих пор был совершенно не знаком с суфийскими идеями и вдруг услышал о суфизме. В его распоряжении окажутся три источника информации. Первый – это справочники и работы тех, кто сделал данный предмет областью своей специализации. Второй – организации, избравшие своей целью передавать или практиковать суфизм, или же эти организации просто используют суфийскую терминологию. И, наконец, в качестве третьего источника могут послужить индивиды, а, возможно, и группы людей, по общему мнению, являющиеся суфиями, причем вовсе не обязательно, чтобы они жили в странах Среднего Востока. Далее, предположим, что этого человека (новичка в данной области) еще не успели убедить в том, что на суфизм необходимо наклеить ярлык «магометанского мистицизма» или «культы дервишей».

Что же узнает он, и с какими трудностями столкнется?

Первое, что он мог бы для себя открыть, это то, что само слово «суфизм» возникло совсем недавно, будучи немецким неологизмом 1821 года.¹

Вряд ли кто-нибудь из суфиев, незнакомых с западными языками, смог бы опознать само слово по звучанию. Вместо «суфизма» наш исследователь, скорее всего, столкнется с такими терминами, как «Кадирии», названными так по имени основателя орденового устава, умершего в 1166 году. Или, возможно, он встретит ссылки на «Людей Истины», «Мастеров», или же «Ближних». Не исключено также, что он встретится с арабским словом МУТАССАВИФ – «тот, кто стремится быть суфием». Или же исследователь обнаружит, что некоторые организации, носящие названия «Строители», «Достойные Порицания», своим устройством и иногда даже малозначашей символической сильно напоминают западные вероучения и общества, подобные Вольному Масонству.²

Для слуха современного европейца вся эта терминология может звучать эксцентрично и не всегда удобоваримо. Уже один только этот факт составляет реальную, хотя и скрытую психологическую проблему.

Поскольку «суфизм» не стал общепризнанным термином, исследователь, вернувшись к самому слову «суфий», может обнаружить, что, как на Ближнем Востоке, так и в Западной Европе³, оно внезапно вошло в употребление около тысячелетия назад⁴ и по сей день его в основном используют для того, чтобы дать специфическое описание наилучшему продукту определенных идей и процедур, которые, при всем желании, никак нельзя свести к тому, что

¹ Thöluck, F. A. G., «*Sufismus sive Theosophia Persarum pantheistica*», Berlin, 1821 (на латинском).

² Масонские ритуалы, слова, термины и т.д. часто можно «расшифровать», используя суфийские системы. Примеры и ссылки смотри в моей книге *The Sufis* («Суфии») (Нью-Йорк, 1964; Лондон, 1966), стр. 19, 50, 178, 179, 182, 183, 184, 186, 188. Согласно традиции, (см. J. P. Broun, *The Dervishes*, (Лондон, 1927), стр. 229) суфийские Масоны имеют полномочие Великой Ложы Тиберия, члены которой сбежали туда после разрушения Иерусалима. На ближнем Востоке они стали широко известны благодаря Зунуну (Дхун-Нуну, умер в 860 г.).

³ Например, у Ибн Масарры из Кордовы (Испания) (883-931). О суфийском влиянии в Европе см. *Garcin de Tassy*, предисловие к «Мантук-Угтайр» («Парламент птиц») (Париж, 1864).

⁴ Согласно суфийскому учителю и поэту XV века Джами (в его «Нахфат эль-Унс») Шейх Сухраварди относит возникновение этого слова к девятому веку. О самом слове мало известно, так что его невозможно найти в сравнительно старых словарях. Имам Кушайри в своем сочинении «Расайл» относит появление этого слова примерно к 822г. от Р.Х. Ранние суфии называли себя многими другими именами, включая «Родственники», «Отшельники», «Добродетельные», «Ближние».

люди обычно подразумевают под «религией». Тут нашему исследователю встретится множество толкований этого слова, но теперь его затруднение будет заключаться в обратном: вместо простого ярлыка, появившегося сравнительно недавно, на него свалится столько определений слова «суфий», что лучше бы ему вообще их не знать.

Согласно некоторым авторам, а их большинство, происхождение слова суфий прослеживается от арабского слова СУФ, что в буквальном переводе означает «шерсть». Здесь содержится намек на ткань, из которой делались грубые одежды ранних мусульманских мистиков⁵. Далее утверждается, что одежду эту они переняли у христианских анахоретов, во множестве населявших египетскую и сирийскую пустыни и другие районы Ближнего и Среднего Востока. Но такая версия, какой бы правдоподобной она ни казалась, не снимает проблемы, связанной с названием этого предмета, не говоря уже о суфийских идеях. И к тому же, не менее авторитетные лексикографы подчеркивают⁶, что «шерсть – это покров животных», ставя особое ударение на том, что цель суфиев – совершенство и завершенность человеческого ума, а не уподобление себя стаду баранов, из чего следует, что суфии, всегда придававшие большое значение символизму, никак не могли бы выбрать себе такое имя. Вопрос этот усложняется еще и тем обстоятельством, что Спутники Скамьи⁷, Ашаб Ас-Сафа, по преданию считаются суфиями времен Мохаммеда (который умер в 632 году н.э.). Передают, что они образовали эзотерическую группу в 623 г. и что их название – суфии – является производным от фразы «Ашаб Ас-Сафа». И хотя некоторые языковеды отмечают, что слово «шерсть», представляется более правдоподобным и вероятным этимологическим источником обсуждаемого названия, чем, к примеру, слово САФРА («благочестие»), или даже САФ (сокращенный вариант фразы «Авангард Достойных»), другие все же опровергают их мнение на том основании, что прозвище не всегда отвечает правилам орфографии.

Помимо всего прочего название это, как мы сейчас увидим, важно, потому что служит своего рода введением в определенный круг идей. Но сначала давайте посмотрим, какие ассоциации с ним связаны. Суфии заявляют, что особый вид ментальной и иной деятельности, в особых обстоятельствах и при совершении специальных усилий способен произвести результат, который можно обозначить, как высшее функционирование ума, а это, в свою очередь, активизирует особые восприятия, органы которых сокрыты в любом человеке. Следовательно, суфизм преодолевает обычные ограничения⁸. Поэтому неудивительно, что некоторые связали слово СУФИЙ с греческим словом, обозначающим божественную мудрость («София»), а также с древнееврейским каббалистическим термином АЙН СОФ («абсолютно бесконечное»). На этом этапе у нашего исследователя возникло бы не меньше вопросов, узнай он, что специалисты в области древнееврейского, – а это подтверждается авторитетом Еврейской энциклопедии, – считают Каббалу и Хасидов (еврейских мистиков), вышедшими из суфизма или из идентичной с ним традиции⁹. Ничуть не ободрили бы его также и сведения о том, что хотя

⁵ СУФ— шерсть. И восточные и западные ученые, непосвященные во внутренние измерения суфизма, нередко принимали эту этимологию, вследствие чего СУФ часто появляется в справочниках, как этимологический источник слова СУФИЙ

⁶ «Шерсть-покров животных», «Ас-Суф либас аль-Инам», – арабская цитата из Худжвири «Раскрытие Скрытого за Завесой», см. Sirdar Iqbal Ali Shah, *Islamik Sufism* («Исламский Суфизм») (Лондон, 1933стр. 17.

⁷ Эти и прочие производные употреблялись самими суфиями; они объясняли, что «скамья» – не первоначальное слово, а ближайший возможный эквивалент, который Спутники подобрали к своему собственному названию.

⁸ Высшие функции ума: например, ср. с персидским куплетом: «Ба Муршид бешуди инсан Ви Муршид манди Хайван» – «С проводником ты можешь стать реальным человеком, без него останешься скотиной»; и с тем, что сказал Руми: «Из царства в царство шел человек, достигая своего теперешнего мыслящего, разумющего, здорового состояния, оставляя позади прежние формы разумности. Точно так же и нынешнюю форму восприятий оставит он позади... У разума имеются еще тысячи других форм...» И далее: «Органы в человеке развиваются в ответ на необходимость... Следовательно, увеличьте свою необходимость». «Маснави-и-Маанави»: «Куплеты с Внутренним Смыслом».

⁹ «Еврейская Энциклопедия», том. XI, стр. 579, 780, 581. В числе еврейских мудрецов, которых западные ученые относят к последователям испанских суфийских школ, были: Джуда Халави из Толедо, автор «*Cuzari*»; Моисей бен Эзра из Гренады; Иосиф бен Задик, автор «*Microcosmus*»; Самуил бен Тиббон, Симптоб бен Фалактерра.

сами суфии возраст своего знания измеряют тысячелетиями, тем не менее, отрицают, что оно является *производным*, При этом они согласны считать его эквивалентным Герметическому, Пифагорейскому и Платоническому потокам¹⁰.

К этому моменту наш все еще не посвященный исследователь, возможно, окажется полностью сбитым с толку, но зато теперь у него появится кое-какое представление о проблемах, возникающих при изучении суфийских идей, хотя бы уже потому, что ему довелось стать свидетелем бесплодных схоластических прений среди представителей академической науки.

Быть может, ему удалось бы распутать клубок создавшейся неразберихи, если бы он положился на мнение специалиста, такого, например, как профессор Р.А. Николсон, или если бы обратился за разъяснениями к суфию.

Итак, говорит Николсон: «Некоторые европейские ученые отождествляли это слово со словом софос, в значении «теософ»¹¹. Но Нольдеке... исчерпывающе доказал, что название это произошло от СУФ (шерсть) и поначалу применялось к тем мусульманским аскетам, которые, в подражание христианским отшельникам, носили грубые шерстяные одежды в знак раскаяния и отказа от мирской суеты¹²».

Это типичное, и даже более того, рискованное заключение было опубликовано в 1914 г. А четырьмя годами ранее Николсон представил свой перевод книги «ОТКРОВЕНИЙ» – из доступных материалов, самый ранний персидский трактат по суфизму и один из авторитетнейших суфийских текстов (датируется XI веком). На страницах этой книги ее автор, освященный веками Худжвири, особо подчеркивает (и профессор сам кропотливо переводит его слова, оставляя их, однако, без внимания), что слово СУФИЙ не содержит этимологических корней¹³.

Это заявление не вызывает у Николсона ни малейшего интереса, но случись ему хоть немного над ним поразмыслить, он мог бы прийти к важной идее, содержащейся в суфизме. То, что каждое слово *должно* иметь этимологию, для него было совершенно непререкаемым. И он, невольно исходя из положения, что «отсутствие этимологии» – абсурд, больше к этой идее не возвращается и, ничуть не унывая, продолжает искать этимологию слова. Такой ум, как у Нольдеке и многих других, скорее предпочтет слово «шерсть», нежели кажущийся парадокс – «отсутствие этимологии». Лишь только поэтому в своей последней книге по суфизму доминиканский священник и ученый отец Киприан Райс¹⁴ (поклонник и ученик Николсона), спустя полстолетия после английской публикации текста Худжвири (перевод которого он расхваливал) провозгласил: «...поскольку у них было обыкновение облачаться в одежды из грубой шерсти (суф), они и стали прозываться суфиями».

Но знакомство с суфиями, или хотя бы минимальное знакомство с их практикой и устными преданиями, могло бы снять кажущееся противоречие относительно отсутствия в их имени готового этимологического источника. Ответ заключается в том, что суфии считают

¹⁰ Идентичность суфийских идей с идеями древнеегипетских, пифагорейских и платонических школ отмечается, например, в М. А. Ubicini, *Letters on Turkey*, («Письма о Турции»), (Лондон, 1856)

¹¹ См. Thöluck, цитированное произведение. Эта книга появилась на свет за десять лет до того, как родилась мадам Блаватская и за девять лет до рождения полковника Олькольта, сооснователя Теософского Общества.

¹² R. A. Nicholson, *The Mystics of Islam* («Мистики Ислама», (Лондон, 1914), стр. 3-4). Профессор Николсон в свое время считался крупным авторитетом по суфизму и опубликовал несколько полезных книг и переводов. «Николсон был крупнейшим авторитетом по исламскому мистицизму, возникшему на мусульманском Востоке, и в своей собственной обширной области являлся высочайшим авторитетом в мире» («*The Times*», 27 августа 1945г.).

¹³ Р.А. Николсон (переводчик) «Кашф аль-Махджуб», (*Revelation of the Veiled* «Раскрытие Скрытого за Завесой»), (Лондон, 1911 стр. 34.

¹⁴ Surlin Rice, *The Persian Sufis*, («Персидские Суфии», (Лондон, 1964), стр.9). Возросший интерес римских католиков к Суфизму оказал, как уже было сказано, значительное воздействие на католических мистиков и академиков. Тому свидетельством служит то, что книга эта получила премии *Nihil Obstat* и *Imprimatur* от Доминиканских и Диосезанских властей Рима. Ее автор считает, что цель суфизма в том, чтобы «сделать возможным слияние религиозной мысли Востока и Запада – жизненно необходимое вселенское объединение и соглашение, которое в конечном итоге окажется для обеих сторон воистину возвращением к источникам, к первоначальному единству (там же, стр. 10).

звуки, последовательно передаваемые буквами С, У, Ф (в арабском написании Соад, Вао, Фа) важными в связи с их воздействием на умственные процессы человека.

Следовательно, суфии – это «люди СССУУУФФФ'а».

Покончив с этой головоломкой, которая, между прочим, иллюстрирует, насколько труден подход к суфийским идеям для односторонне мыслящих, мы встречаемся с новой характерной проблемой взамен предыдущей. Хотя таким объяснением (о том, что звук оказывает влияние на мозг) современный мыслитель, пожалуй, заинтересуется, интерес его останется лишь в пределах тех ограничений, которые он сам для себя установил. Как теоретическую возможность он готов принять такую возможность, особенно если она выражена в терминах, вполне допустимых для его времени¹⁵.

Если мы заявим: «Звуковое воздействие, при прочих равных условиях, способно вызывать в человеке переживания, выходящие за рамки обычных», он может категорически заявить: «Это чистой воды оккультизм, примитивная чушь, вроде Ом-Мани-Падме-Хум, Абракадабры и т.п.!» Но, (принимая во внимание не столько объективность, сколько общепринятую современную фазу мышления), мы могли бы возразить ему: «Человеческий мозг – да вы и сами об этом знаете – можно уподобить электронно-вычислительной машине. На вибрации или воздействия зрительных, слуховых, осязательных и т.п. импульсов он откликается определенным, заранее установленным или «запрограммированным» способом. Некоторые полагают, что звуки, приблизительно представленные знаками С.У.Ф., относятся к таким сигналам, на которые мозг запрограммирован или может быть запрограммирован реагировать как-то по-особому». Вот такая жалкая и упрощенная интерпретация может быть вполне усвоена с помощью ныне превалирующего образа мысли.

Ментальное состояние нашего собеседника, которое крайне затрудняет понимание суфизма, объясняет почему многие люди, страстно желающие изучать суфийские идеи, совершенно не склонны, в силу психологической приверженности определенным образцам мышления, удерживать в своем уме некоторые утверждения самих суфиев об их учении. Большой личный опыт убеждает меня в том, что подобная ситуация встречается куда чаще, чем можно было бы подумать, исходя из этого единичного примера.

Решение проблемы для обеих сторон не станет более легким, если индивид, о котором здесь идет речь, оставаясь верным общей тенденции, попытается разделаться с суфийскими идеями, полностью отбросив их. Люди в этом случае, как правило, приходят к одному и тому же ответу примерно такого содержания: «Думать так, как предлагаете вы – значит разрушить привычный для меня способ мышления». Выдвигая такое предположение, человек весьма заблуждается. С точки зрения суфия, он воистину недооценивает собственных способностей. Другая реакция, это когда предложенные ему идеи человек пытается объяснить рационально или истолковать в терминах системы, которая ему по душе: например, в терминах антропологии, социологии, софистики, психологии и т.д. По логике нашего примера такое субъективное состояние могло бы проявить себя, вероятно, в следующем заявлении: «Ну, конечно, – эта теория о влиянии звука на мозг, явно выдумана для того, чтобы придать эзотерический характер самому обычному земному термину, образованному от слова «шерсть».

Но, в любом случае, мышление подобного типа в конечном итоге не возобладает в сколько-нибудь широком масштабе, потому как суфийские идеи, обнаруживаемые отнюдь не только среди примитивных племен или в книгах, принадлежащих мертвым культурам, в различном объеме входят в подготовку и занятия более пятидесяти миллионов наших современников – людей, которые, в той или иной форме связаны с суфизмом.

¹⁵ Суммировано суфийским старцем Абдул-Азизом из Мекки (умер в 652г.) в виде такого высказывания: «Предложи ослу салат, и он спросит тебя: какие колочки пошли на его приготовление?»

Ограниченность современного подхода к суфизму

Существование такой проблемы во многом обязано весьма сильной тенденции современного человека классифицировать всех людей, вещи, идеи, присваивая им те или иные категории. Классификация имеет свою ценность (да и кто бы мог обойтись без нее?), но когда изучается тот или иной предмет, а в распоряжении изучающего – лишь ограниченный набор ярлыков, возникает ситуация, к которой в каком-то смысле применимо изречение Генри Форда: «Вы можете заполучить автомобиль любого цвета, при условии, что он будет черным». Данная проблема состоит в том, что внимание исследователя (причем сам он может и не подозревать об этом) целиком поглощено всего несколькими категориями, что создает проблему уже для самого суфия, который пытается передавать свои идеи в условиях, далеко не идеальных. Примером тому – недавно произошедший случай. Я привожу его здесь, поскольку он дает некоторое представление о суфийских идеях в «живой» форме, а не в виде вымученной «системы».

В одной из последних своих книг¹⁶ помимо всего прочего, я упомянул, что суфийские идеи и даже подлинные тексты повлияли или легли в основу самых разнообразных по своему характеру теорий, организаций и учений, с которыми связывают рыцарские ордена святого Иоана Креста¹⁷, святую Терезу из Авилы¹⁸, Роджера Бэкона¹⁹, Гебера, отца западных алхимиков²⁰, по прозвищу Суфий, Раймонда Луллия с Майорки²¹, Гуру Нанака, основателя Сикхизма²², и сборник «Gesta Romanorum»²³, а также индийские ведантические учения²⁴. Сюда же относятся и некоторые выродившиеся психологические приемы, нашедшие себе место в западной литературе по магии и оккультизму²⁵ наравне с подлинными психологическими идеями и процессами, которые порой относят к современным открытиям²⁶.

¹⁶ *The Sufis* («Суфии»), Нью-Йорк, 1964; Лондон, 1969

¹⁷ Проф. Miguel Asín y Palacios, «*Un precursor hispanomusulman de San Juan de La Cruz*», «Andalus», I (1933), p. 7 ff. См. также P. Nwyia, «*Ibn Abbad de Ronda et Jean de la Croix*», «Andalus», XXII (1957), p. 113 ff

¹⁸ Asín, «*El Simil de loa Castillos y moradas del alma en la mística islamica y en Santa Teresa*», «Andalus», II (1946), p. 263 ff

¹⁹ I. Shah *The Sufis* («Суфии») стр. 239; Baron Carra de Vaux в «*Journal Asiatique*», XIX, стр. 63. Францисканец Роджер Бэкон (умер в 1294 г.), одетый в арабское платье, читал лекции в Оксфорде; он цитировал «Хикмат эль-Ширак» («Мудрость Озарения») – трактат, приписываемый суфийской школе Шейха Шахабуддина Яхьи Сухраварди, который был казнен за вероотступничество и приверженность «древней философии» в 1161 г. О связи францисканцев с суфизмом см. *The Sufis* («Суфии»).

²⁰ I. Shah, *The Sufis* («Суфии»), стр. XVI, 155, 191, 194, 196, 203-204, 243, 370.

²¹ Asín, *Abenmasarra*; и I. Shah, *The Sufis* стр. XVII, XIX, 42, 140, 203, 244, 246, 247, 261, 370, 389. См. также J. Ribera, «*Orígenes de la Filosofía de Rimundo Lulio*»

²² C. F. Loehlin, *Sufism and Sikhism* («Суфизм и Сикхизм»), *Moslem World*, XXIX, стр. 351; а также I. Shah, *The Sufis*, стр. 358

²³ C. Swan, «*Gesta Romanorum*», Лондон, 1829 и последующие публикации. Первый известный западный манускрипт этого собрания датируется 1324 годом. Повести, собранные в рукописной книге, послужили источником для шекспировского «Короля Лира», «Венецианского Купца», «Перикла», «Похищения Лукреции». Чосер, Лидгейт, Боккаччо – все они пользовались материалами из этого сборника.

²⁴ A. Barth, *Religions of India* («Религии Индии»), Dr Tara Chand, *The Cultural History of India* («Культурная история Индии»), (Hyderabad, 1958), стр. 153; и I. Shah, *The Sufis*, стр. 356.

²⁵ Смотри I. Shah, *The Secret Lore of Magic*, («Тайнонаследие Магии»), (Лондон, 1957). О суфийском отношении к магии см. *The Sufis*, стр. 356 и сл. страницы; и I. Shah, *Destination Mecca* («Цель Путешествия – Мекка»), (Лондон, 1957), от стр. 169и дальше. О сверхнормальных способностях, которые проявляют суфии, см. J. P. Brown, *The Dervishes*, (Лондон, 1867); (повт.изд. 1927); L. M. J. Garnett, *Mysticism and Magic in Turkey* («Мистицизм и Магия в Турции»), (Лондон, 1912); S. A. Salik, *The Saint of Gilan* («Святой из Гилана»), (Лакор, 1953); J. A. Subhan, *Sufism, its Saints and Shrines* («Суфизм. Его Святые и Гробницы»), (Лукнов, 1939).

²⁶ Фрейдистский психологический метод толкования символов применяется в произведении суфия Аль-Газали «Ниша света», за девятьсот лет до Фрейда. См. (подсловом *Symbolism*) *The Niche* – «Нишу» в переводе Gairdner (*Royal Asiatic Society*, Лондон, 1924). Теория Юнга об архетипах была известна суфиям в далекие времена; см. R. Landau, *The Philosophi of Ibn Arabi* («Философия Ибн Араби»), (Нью-Йорк, 1959). – стр. 4f и сл. стр. Влияние Каббалы и еврейского мистицизма на Фрейда, а они, в свою очередь, по мнению еврейских авторов, вышли из суфизма или идентичны ему, рассматривается в работе проф. David Bakan: *Sigmund Freud and the Jewish Mystical Tradition* («Зигмунд Фрейд и Еврейская мистическая традиция»), (Нью-

В среде обозревателей и прочей публики книга эта вызвала совершенно удивительные и разнообразные реакции. Некоторые совершенно очаровались ею, правда, не всегда из лучших побуждений, но речь не о них. Что я фактически сделал, так это собрал результаты многолетних академических исследований, проведенных другими людьми. Большая часть приведенных в моем труде сведений затеряна в монографиях и книгах, к которым редко кто обращается, хотя они и принадлежат перу высокочтимых востоковедов и других специалистов в тех или иных областях. Я также включил сюда «живой» материал из суфийских источников. И хотя приведенный материал далеко не исчерпывал всего, что доступно, даже и эта коллекция оказалась слишком острым блюдом для некоторых читателей. Во всяком случае, многим из них следовало бы быть более осведомленными, чем я относительно того, что было проделано предшественниками в их собственных областях. Нелестный отзыв в свой адрес я получил от одного маститого специалиста, не говоря уже о людях, раскритиковавших в моей работе все, что как им показалось, они в ней нашли²⁷.

Вскоре после этого, в беседе с одним «экспертом» я сказал, что приводя свои тезисы, я не только опирался на произведения общепризнанных авторитетов, но открыто цитировал произведения известных профессоров – среди них Асин, Ландау, Рибера, Тара Чанд, Гильом и другие безусловно честные ученые, а в других случаях ссылаюсь на книги старинных авторов, в числе которых Луллий, Бэкон, Гебер и прочие, упоминавшие поименно суфиев, суфийские книги или конкретно Суфизм. Вместо того, чтобы согласиться со мной в том, что специалистам следовало бы лучше знать свою работу, он попросту еще раз объявил имя моего главного критика.

«Твоя взяла, дружище, – заключил он, откинувшись на спинку кресла и весело посмеиваясь, – теперь тебе придется выбирать, что ты с ним сделаешь: только опозоришь или займешь его место?»

Возвращаясь к тому, как я выстроил в книге свою аргументацию, можно сказать, что «грех» мой состоял всего лишь в следующем: вместо того, чтобы, ссылаясь на авторитеты, шаг за шагом выдвигать неопровержимые «доказательства» моей правоты, я самонадеянно предположил, что книгу внимательно прочтут, а уж факты скажут сами за себя. Мой приятель автоматически заключил, что я, забавы ради, захотел ниспровергнуть чей-то авторитет. А мой первоначальный критик ополчился на меня, исходя из не менее ложного предположения, что в моем распоряжении не хватало хорошего материала, потому-то я и не довел его до сознания читателей с должным триумфом.

При рассмотрении проблем, связанных с изучением суфийских идей, остается лишь поражаться тому, как их трактуют люди, которые даже если и не являются специалистами в самой этой области, могли бы, по крайней мере, дать себе труд лучше ознакомиться с доступными академическими источниками. Примером, демонстрирующим типичную для Запада тенденцию, может послужить книга некоего профессора о восточных философах²⁸, в которой из ста тысяч слов только, примерно, около трехсот (одна страница из трехсот с лишком) касаются суфиев. И это несмотря на то, что тем же самым автором была опубликована работа, посвященная философама Западу²⁹; а ведь как западные, так и восточные мыслители испытали на себе влияние суфийской мысли. Об этом влиянии нигде в его книге не упоминается. Доблестный английский философ Бертран Рассел тоже, оказывается, написал огромную книгу «Мудрость

Йорк, 1958).

²⁷ Некоторые обозреватели и другие люди, оставляя без внимания тот факт, что суфийские книги вообще редко снабжены алфавитными указателями (что делается для того, чтобы читатель читал книгу целиком), сожалели об отсутствии указателя к *The Sufis. The Coombe Springs Press* (издательство) выпустила указатель к этой книге отдельным изданием в 1965 г.

²⁸ E. W. F. Tomlin, F.R.A.S., *Great Philosophers of the East* («Великие Философы Востока»), (Лондон, 1959)стр.294-295.

²⁹ E. W. F. Tomlin, *Great Philosophers of the West* («Великие Философы Запада»), (Лондон, 1959

Запада»³⁰, в которой названы западные мыслители, чья связь с суфийской мыслью неоспорима, но нет и намека на суфиев или суфизм.

Можно возразить, что обе эти книги преследовали лишь одну цель – популяризацию, рассчитанную на обычного читателя; но, как бы то ни было, их авторы пользуются славой ученых, тогда как написанные ими книги страдают отсутствием информации.

Обычные читатели, то бишь, невостоковеды, обратившись к этим источникам, вряд ли поймут, чего именно в них не хватает.

³⁰ Опубликовано в Лондоне в 1959 и 1960 гг.

Проверка литературных материалов путем прямого контакта с суфизмом

Среди проблем, с которыми сталкивается всякий желающий изучать суфийские идеи, бросается в глаза навязчивое повторение необоснованных теорий, преподносимых как несомненные факты. Этим грешат и «специалисты», и другие лица, весьма далекие от объективности.

Поскольку обучение в суфизме осуществляется, главным образом, непосредственными методами (известно, что передача происходит исключительно с помощью жеста, символа и наглядного примера), то, как только мы в своем изучении теряем этот существенный элемент, полагаясь на книги, мы неминуемо сдаемся на милость тех, кто потчует нас всевозможными субъективными теориями³¹.

Одни утверждают, что суфизм развился из исторического ислама, среди них и некоторые апологеты суфизма, по понятным причинам защищающие эту точку зрения. Другие заявляют, что, как раз наоборот, суфизм явился реакцией против исламских установлений. Третьи считают, что суфийские идеи порождены христианством (тем, какое им знакомо); или их можно частично, а то и полностью объяснить влиянием персидского дуализма; или же, как говорят некоторые, они пришли из Китая, или Индии, или, напротив – к Индии не имеют никакого отношения. Находятся поборники неоплатонической версии, шаманизма – одним словом, список этот можно продолжать и продолжать, так что картина уже напоминает спор людей о происхождении железа, – из Швеции оно или из Японии.

Суфийские идеи можно назвать «психологией», но не потому, что этот термин точно передает суть суфизма, а потому, что слово «мудрость» в наши дни вышло из моды. И все же следует отметить, что хотя составители словарей нас не понимают, это еще не значит, что суфийские идеи не могут быть усвоены в принципе.

Что касается вопроса о допустимых категориях при изучении того или иного предмета, мы видим, что суфизм подпадает под многие из них. Материалы, целиком заимствованные из суфизма, характерные для него идеи, методы, рассказы, притчи и даже поэзия суфиев – все это мы можем обнаружить в таком явлении, как трубадуры³², в швейцарской легенде о

³¹ Мнения некоторых специалистов о «происхождении» суфизма: «Преобладает влияние христианского мистицизма» – (Tomlin, *Great Philosophers of the East* («Великие Философы Востока»), стр. 295); «Реакция на бремя сухого монотеизма, окостенелого закона и омертвелой, холодной обрядности». – (Препод. д-р Sell, *Sufism*), (Мадрас, «Преобладает влияние христианского мистицизма» – (Tomlin, *Great Philosophers of the East* («Великие Философы Востока»), стр. 295); «Реакция на бремя сухого монотеизма, окостенелого закона и омертвелой, холодной обрядности». – (Препод. д-р Sell, *Sufism*), (Мадрас, 1910), стр. 11); «... ведет свое происхождение от религиозных учений Индии и Греции» – (J. P. Brown, цит. труд стр.V); «Очевидно, представляет из себя некую разновидность Гностики» – (J. W. Redhouse, «Маснави», (Лондон, 1881), стр. XIX); «... эмоциональный характер суфизма, настолько далекий от холодных и бескровных теорий индийской философии, очевиден» – (E. G. Browne, *A Literary History of Persia*, (Лондон, 1909), стр. 442); «небольшая персидская секта» – (F. Hadland Davis, *The Persian Mystics: Jalaludin Rumi*, «Персидские мистики: Джалалуддин Руми», (Лондон, 1907), стр.1); «великое извращение учения Мохаммеда» – (Miss G. L. Bell, *Poems from the Divan of Hafiz*, «Стихи из дивана Хафиза», (Лондон, 1928), стр.51); «частично позаимствован у Платона, «Аттического Моисея», но, главным образом, у христианства» – (E. H. Whinfield, *Masnavi Ima'navi*, духовные куплеты, (Лондон, 1887), стр. XV); «Востоковеды действительно относили происхождение суфизма к персидским, индийским, неоплатоническим или христианским источникам. Но все эти различные теории взаимоисключили друг друга» (T. Burckhardt, *An Introduction to Sufi Doctrine*, «Введение в суфийскую доктрину», (Лахор, 1959), стр. 5).

³² R. A. Nicholson, *Selections from the Divan-i Shams-i-Tabriz*, Избранное из «Диван-и-Шамс-и-Табриз» (Кембридж, 1898, повт.изд. 1952) от стр. XXXVI и далее). Профессор Эдвард Палмер запечатлел для западных исследователей тот факт, что «МУТРИБ», арабский эквивалент трубадура, также означает «СУФИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ» (см. *Oriental Mysticism* («Восточный Мистицизм»), стр. 80). Профессор Хитти высказывается по этому поводу еще более определенно: «Провансальские поэты в Южной Франции к концу одиннадцатого столетия достигли полного расцвета, используя бесчисленное множество фантастических образов для выражения своей трепетной, бьющей через край любви. Знаменитые трубадуры («Тараб»: музыка, песня) двенадцатого века подражали своим южным современникам, певцам «заджал». Как это было прежде у арабов, в Юго-Западной Европе внезапно возникает культ прекрасной дамы. «Песнь о Роланде» – благороднейший памятник ранней европейской

Вильгельме Телле³³, в ближневосточном культе «Павлиньего Ангела»³⁴, у Гурджиева и Успенского³⁵, у Мориса Николла, у шведа Дага Хаммаршельда³⁶, у Шекспира³⁷, в психологии Кеннета Уолкера³⁸, в сказках датчанина Ганса Христиана Андерсена³⁹, в произведениях сэра Ричарда Бартона (который сам был членом ордена Кадири)⁴⁰, в недавно выпущенной серии учебников английского языка (издательство Oxford University Press, автор L. A. Hill)⁴¹, в современных детских книжках⁴², в религии «ведьм»⁴³, в символике розенкрейцеров⁴⁴ и иллюминатов⁴⁵, у

литературы, его появление к 1080 г. знаменует начало новой цивилизации – цивилизации Западной Европы, подобно тому, как поэмы Гомера знаменуют начало исторической Греции. Своим существованием он обязан военному контакту с мусульманской Испанией. См. P. K. Hitti, *History of the Arabs*, («История Арабов», 1951 г. изд. стр. 562).

³³ Смотри предисловие Роберта Грейвса к I. Shah, *The Sufis*, стр. XVII. Наиболее доступным переложением «Парламента Птиц» Аттара является текст 1954 года, переведенный Ч.С. Ноттом с французского издания, переизданный в Лондоне в 1961 г. Преп. Бэринг-Гоулд показал в викторианские времена, что легенда о Телле не имеет под собой исторической основы. В «Словаре дат» Гайдена (*Hayden's History of Dates*) говорится (см. «Tell»): «Профессор Копп из Люцерны, в 1872 г. доказал мифическую основу популярных историй о Телле».

³⁴ Культ Павлиньего Ангела: Основан суфийским учителем шейхом Али бен Мусафиром (умер в 1162г.). См. Arkon Daraul, *Secret Societies* («Тайные Общества», (Лондон, 1961), гл. 15). Эта же книга издана в Нью-Йорке в 1961 г. под названием *A History of Secret Societies* («История тайных обществ»). Символика этого культа может быть расшифрована с помощью суфийской числовой системы «Абджад», описанной в I. Shah, *The Sufis*; ее широко использовали поэты и суфии. См. также примечание 93.

³⁵ Г.И. Гурджиев оставил множество намеков на то, что, в сущности, каждый пункт его «системы» вышел из суфийских источников, хотя в более строгом смысле эта «система» по своей специфике относится к дервишскому учению Хаджаган (Накшбанди). Помимо самой практики «работы» такие гурджиевские книги, как «Вельзевул» (другой ее заголовок «Все и Вся», (Нью-Йорк, 1950) и «Встречи с замечательными людьми» (второе изд. 1963) изобилуют ссылками, зачастую полускрытыми, на суфийскую систему. В своем парижском «проспекте» публичного представления за 1923 год, (*The Echo of the Champs-Elysees*, 1, 37, часть 2, (Париж, декабрь, 13-35, 1923) он также упоминает по именам накшбандийских, кубравийских и других суфиев, как бы между прочим, ссылаясь в качестве источников, на дервишскую практику Накшбанди, Кадири, каландаров и Мэвлеви. В сочинениях Мориса Николла «Психологические комментарии», (Лондон, 1952) и «Новый Человек», (Лондон, 1950) есть множество примеров, иллюстрирующих суфийские методы толкования религиозных и других документов. Но его применение этих методов отличается от суфийского в том, что он наобум применяет их к выбранным темам и адресует свои объяснения случайной, а не специально подобранной аудитории. Что касается П.Д. Успенского, то этот русский философ, главным образом, благодаря своему контакту с Гурджиевым, называет суфиев в качестве источника древней психологии, например, в «Психологии возможной эволюции человека», (Лондон, 1951), стр. 7. Успенский, однако, не был в непосредственном контакте с дервишами и потому не сумел осуществить необходимого переноса суфийских идей из литературных источников, восточных и других, в терминологию, используемую в его «Системе». Если бы он был в состоянии сделать это, он понял бы, что его «система» игнорировала суфийские требования «времени, места и определенных людей». Он пытается систематизировать материал, данный Гурджиевым, в своей книге «В поисках чудесного» (Лондон, 1950), где приводятся беседы с Гурджиевым. Как Накшбандийские суфии, так и последователи Гурджиева и Успенского называют свои занятия «Четвертым Путем». См. Успенский, *The Fourth Way* («Четвертый Путь»), (Лондон, 1957).

³⁶ *Hammar skjöld and Sufis* (Хаммаршельд и суфии): Он буквально цитирует Джалалуддина Руми (*Hammar skjöld, Markings*, Лондон, 1964), стр. 95 и след. См. также *Reader's Digest*, где цитируется *Dagens Nyheter*, (Стокгольм, 1962) – его подражание суфийскому стиху, в переводе сэра Вильяма Джонса (1746–94): На родительских коленях голышом сидел ты, новорожденное дитя, И плакал, а все вокруг улыбались. Живи же так, чтобы погрузившись в последний свой долгий сон, безмятежно улыбался ты. Когда все вокруг будут рыдать над тобой.

³⁷ В шекспировских пьесах содержится не только множество историй из арабских, персидских и других восточных источников, но также и то, что может показаться буквальными цитатами из суфийской литературы. Профессор Николсон в своем переводе ДИВАН-И-ШАМС-И-ТАБРИЗ отметил один или два шекспировских отрывка, словно позаимствованных из этой книги (см. выше примечание 32, стр. 290 и 291, а также в др. местах). См. также Garcin de Tassy, *Philosophical and Religious Poetry of the Persians* («Философская и религиозная поэзия Персов»), (Париж, 1864).

³⁸ См. Professor Kenneth Walker, *Diagnosis of Man* («Диагноз человека»), (Лондон, 1962). В этой книге он сообщает об использовании суфийской школой Санаи-Руми притчи «Слон в темноте», чтобы показать, как современный человек может путаться в частностях вместо продвижения к существу дела. Уолкер – последователь Гурджиева – см. его *Study of Gurdjieff's Teaching* («Изучение Гурджиевского учения»), (Лондон, 1957)

³⁹ Как, например, «Сказка о гадком утенке», смотри: I. Shah, *The Sufis*

⁴⁰ F. Hitchman, Barton, 1, стр. 286

⁴¹ Автор L. A. Hill.

⁴² Напр., J. G. Saxe, *The Blind Men and the Elephant* («Слепцы и слон»), (Лондон, 1964), и C. Downing (перев.), *Tales of the Hodja* («Притчи о Ходже»), (Лондон, 1964)

⁴³ I. Shah, *The Sufis*, стр. 208и дальше; и 243, О восточном происхождении культа ведьм смотри J. L. Bracelin, *Gerald Gardner – Witch* («Геральд Гарднер-колдун») (Лондон, 1960), стр. 75; A. Daraul, *Witches and Sorcerers* («Ведьмы и колдуны»), (Нью-Йорк, 1966), стр. 20, 23, 24, 73, 204 и в др. местах.

⁴⁴ См. I. Shah, *The Sufis*, стр. 187, 191, 223, 389 и A. Daraul, *Secret Societies* («Тайные общества»), (Лондон, 1961). Розен-

многих западных средневековых схоластов⁴⁶, в индийском культе Бхакти⁴⁷ (хотя на Западе он преподносится как система исконно индусская), в тайных книгах исмаилитов⁴⁸, в организации, названии и практиках некоторых из так называемых ассасинов⁴⁹, в притчах и технических приемах, по общему мнению пришедших из японского Дзэна⁵⁰, или связанных с йогой⁵¹, в материалах, относящихся к Рыцарям Храма (тамплиерам)⁵², в психотерапевтической литературе, у Чосера и Данте Алигьери⁵³ и т.п. Я перечислил лишь некоторые сведения из письменных источников, да и то, почти наугад.

крейцеры заявляют, что их основатель принес свое знание из Аравии, Феса и Египта. Происхождение этого культа было прослежено Дараулем от суфийского ордена Кадири (там же, стр. 195

⁴⁵ A. Daraul, *Secret Societies*, гл. 22; E. J. Jurji, *The Illuministic Sufis* («Суфии иллюминаты»), (*JAOS* 57, *cmp.* 90, 1937); Brown, *Dervishes*

⁴⁶ См. I. Shah, *The Sufis*, в разных местах, где упоминается о влиянии Аль-Газали и других суфиев на Западную Европу. Большинство книг по средневековой схоластике и сама история схоластического мышления восходит к этому источнику. Ср. Hitti, *History of the Arabs* («История арабов») и G. Leff, *Mediaeval Thought* («Средневековая мысль»), (Лондон, 1958

⁴⁷ Leff, Там же; и О. В. Карог, *Research Thesis on the Mystic Philosophy of Kabir* («Исследовательская работа о мистической философии Кабира»), (*Allahabad University Studies*, 10, 1933) стр. 166

⁴⁸ W. Ivanow, *The Truth Worshippers of Kurdistan* («Курдистанские почитатели истины»), (Лейден, 1953), стр. 57–68 и в др. местах.

⁴⁹ Люди, ставшие известными как Ассасины, являлись суфийской организацией, называвшейся сначала Ассасин (Люди Основы, основных принципов), ответвление которой было возглавлено в десятом веке Хасаном, сыном Сабаха, Его называли Великим Ассасином или Горным Старцем, что является неправильным переводом, узурпированного им титула Шейх эль-Джабаль (Хозяин гор). На Западе слово *ueïx* было небрежно переведено в альтернативном значении «*Senex del Monte*», как называли его крестоносцы. Считается, что династия «Ага-Ханов» берет свое начало именно от этого Хасана. Другой, соперничающий руководитель культа находится в Бомбее. Первоначальный «орден», однако, продолжает существовать независимо от второго, смотри Sirdar Iqbal Ali Shah, *The General Principles of Sufism* («Общие принципы суфизма»), *Hibbert Journal*, том 20, (1921–1922), стр. 523–535. Из-за того, что на Западе арабские названия переводились буквально, получилась большая путаница. Поэтому, например, в то время как можно увидеть, что «Алгазель» – это Аль-Газали, не каждый признает в «докторе Максимусе» («Величайший учитель») Эль-Шейха эль-Акбара (Ибн аль-Араби); или в «Василии Валентине» («Торжествующий Царь») Эль-Малика эль-Фатиха, алхимика; или же в антиколдовском трактате «*Errores Gaziorum*» – трактат «*Ghulat Aljazair*» («Секты Алжира»).

⁵⁰ I. Shah, *The Sufis*, стр. 309, 363–364.

⁵¹ Там же, стр. 309. Современные материалы по Йоге и Дзэну имеют тенденцию игнорировать особую необходимость в выборе ученика и типа учителя.

⁵² Там же, стр. XIV, XIX, 225–7, 399.

⁵³ Профессор M. Acin Palacios: *Islam and the Divine Comedy* («Ислам и Божественная Комедия»), (Ибн аль-Араби, 1165–1240) перев. H. Sunderland, (Лондон, 1926). *La Escatologia Musulmana en la Divina Comedia* («Мусульманская Эсхатология в Божественной комедии»), (Мадрид, 1961).

Ошибки в понимании суфийских идей и определений

Что такое суфийская идея, как она выражена и где ее искать?

Суфийское происхождение многих идей легко опознать, исходя из их контекста или же из того, к чему их фактически относят в самом тексте. Но, помимо этого, особая проблема состоит в том, что согласно историческим свидетельствам, никакой иной комплекс идей или система, не оказывали такого глубокого масштабного воздействия на столь многие сферы жизни и мысли восточного и западного миров. Ни один ум не был подготовлен к тому, чтобы, даже ожидать подобной ситуации, за исключением суфийского ума, не нуждающегося во внешних доказательствах. Вследствие этого нам задают такого рода вопросы: «Является ли суфизм серией шаманистских культов, цельной философией, религией, тайным обществом, системой оккультной тренировки, источником для целых направлений в литературе и поэзии или военной организацией, рыцарским или, быть может, коммерческим культом?»

Серьезные проблемы по определению подлинных и уместных суфийских идей и практик встают на пути любого изучающего, кто уже соприкасался с какой-либо разбавленной, обобщенной или сокращенной разновидностью суфизма, будь то на Западе или на Востоке. Так, сотни людей в Европе практикуют «дервишеский танец, кружение или верчение», хотя в легкодоступной дервишеской литературе особо подчеркивается, что эту практику Руми предписывал специально для жителей Малой Азии из районов Икониума⁵⁴, по соображениям местного характера. Подобным же образом, когда тем, кто находится под влиянием западной «работы» или «системы», в которую вовлечены последователи Гурджиева или Успенского (а таких тысячи), – прямо и открыто говорят, что их упражнения и методы хорошо известны и применяются в определенных суфийских школах, но применять их следует иначе и более разумно, ориентируясь на конкретную группу практикующих, эти люди гораздо чаще, чем хотелось бы оказываются не в состоянии усвоить подобное заявление. Я привел здесь характерные случаи, когда из-за неправильного понимания или применения идей убытки начинают превышать выгоду, извлекаемую из суфизма.

Другое, по сей день бурно разрастающееся течение, известное тысячам европейцев, как Субуд, также использует некоторые суфийские идеи и практические приемы. Его процедура в основном опирается на методы Накшбанди – Кадири⁵⁵, но в том виде, в каком эту практику сейчас преподносят, она оказалась перевернутой с ног на голову. На собраниях членов Субуда под названием ЛАТИХАН⁵⁶, каждый участник ожидает возможности испытать определенное состояние, в котором, по его убеждению проявляется действие божественной силы. И что интересно, так это то, что в Субуде ценится главным образом именно это переживание и многие из тех, кто не испытывает его или перестает его испытывать, покидают общину. Оставшиеся же составляют основной костяк этого движения. Но, согласно суфийским идеям и практике, люди, не испытывающие субъективных состояний, или же, испытав их в какой-то период в прошлом, больше им неподверженны, именно они могут быть реальными кандидатами на следующую ступень⁵⁷. Тех, кто не знает этого, суфий мог бы уподобить человеку, который, взявшись упражнять свои мускулы, решил однажды, что его упражнения перестали

⁵⁴ Руми (1207–1273) родился в Балхе, Афганистан, умер в Кони (Икониум), Турция, где в наше время «дервишский танец» публично разрешен только лишь как зрелище для туристов.

⁵⁵ Абдул КаDIR из Гилана («Султан Друзей»), (1077–1166), Хадрат Бахаудин Накшбанд (Эль-Шах), (1318–1389)

⁵⁶ «Субуд» основал индонезиец Мохаммед Субух в 1934 году. Слепое увлечение практикой Латихан, породило, как известно, состояние, о котором в медицинской литературе упоминается как о «психозе Субуд».

⁵⁷ «Истина приходит после «состояний» и экстаза и заменяет их», – Калабадхи «Китаб эль-тааруф», цитируя Джунайда из Багдада (умер в 910г.). В переводе А. Дж. Арберии, «учение суфиев», (Кембридж, 1935), стр.106: «Но когда приходит истина – сам экстаз теряет (над человеком) силу».

быть эффективными, потому что он перестал ощущать боль в мышцах. Таким образом, ущерб, приносимый Субудом, сводит на нет, по крайней мере частично, все его приобретения.

Когда изучение первоначальных суфийских идей проходит в русле подобных популяризаций, возникает серьезная проблема. В данном случае, поскольку эта извращенная система использует суфийскую терминологию, вполне может случиться, что студент при подходе к суфизму окажется не в состоянии отбросить ассоциации, связанные у него с Субудом.

Есть еще одна проблема, в высшей степени свойственная суфизму, которая возбуждает сильное противодействие. Сформулировать ее можно так: в суфийской литературе содержится материал, опережающий свое время. Некоторые суфийские книги, переведенные на европейские языки (а потому не составит труда проверить, так ли это), содержат материалы, которые могут быть поняты лишь в свете «новых» психологических и даже научно-технических открытий и лишь при условии их широкой огласки. Таким образом, утверждения, казавшиеся некогда эксцентричными и невероятными, по прошествии времени подтверждаются. Западные востоковеды и другие ученые заметили, например, что афганец Джалалуддин Руми⁵⁸ (умер в 1273 г.), Хаким Санаи из Хорасана⁵⁹ (XIV век), Аль Газали из Персии⁶⁰ (умер в 1111 г.) и Ибн Эль-Араби из Испании⁶¹ (умер в 1240 г.) описывали психологические состояния, психотерапевтические процедуры и психологическую методологию, которые так и остались бы невразумительными для читателя, без той современной «инфраструктуры», которую мы на Западе приобрели совсем недавно. Подобные идеи называются сегодня «фрейдистскими», «юнгианскими» и т.п.

Заявления Суфиев о том, что «человек вышел из моря», и что он находится в состоянии эволюции, охватывающей огромные периоды времени, казались причудливой чепухой до тех пор, пока дарвинисты девятнадцатого века с восторгом не ухватились за этот материал⁶².

Предполагаемые ссылки на силы, заключенные в атоме⁶³, на «четвертое измерение»⁶⁴, на теорию относительности⁶⁵, на космические путешествия⁶⁶, телепатию, телекинез – встречаются довольно часто; иногда их воспринимают как факты, иногда – как свидетельство наличия неких технических средств, а иногда – как указание на настоящие или будущие способности человека. Сообщения о сознании, преодолевающем барьеры времени, и других феноменальных явлениях того же порядка необходимо оценивать либо в свете более-менее современного знания, либо по-прежнему дожидаться их подтверждения со стороны обычных ученых. Более семи веков тому назад Ибн Эль-Араби указал, что человеку разумному – сорок тысяч лет, тогда как ортодоксальные евреи, христиане и мусульмане в этом вопросе, по-прежнему опирались на

⁵⁸ В *Fihī Ma Fihī*, (перевод А. J. Arberry, *Discourses of Rumi* («Беседы Руми»), (Лондон, 1961)); *The Mathnavi*, (перев. R. A. Nicholson, (Лондон, 1926); J. W. Redhouse, (Лондон, 1881); E. H. Whinfield, (Лондон, 1887); C. E. Wilson, (Лондон, 1910 и т.д.

⁵⁹ Первая книга из «Хадика» (перев. J. Stephenson, *Walled Garden of Truth* («Окруженный стеной сад истины»), (Калькутта, 1910)); Камама, *Book of the Work* («Книга работы»); «Диван».

⁶⁰ «Мишкат эль-Анвар» (перев. W. H. T. Gairdner, *The Niche for lamps* («Ниша для светильников»), *Royal Asiatic Society* (Лондон, 1924); (Лахор, 1952). «Ихья эль Улум эль-Дин», (*Revival of Religious Sciences*), («Возрождение религиозных наук»).

⁶¹ *Futuhat Al-Makkia*, (*Openings in Mecca*) («Открытия в Мекке»); *Fusus El-Hikam*, (*Bezels of the Wisdoms*) («Оправа для драгоценных камней мудрости»); *Kimia-i-Sadat*, (*Alchemy of Happiness*) («Алхимия счастья»); *Tarjuman El-Ashwaq*, (*Interpreter of Desires*) («Толкователь желаний», перев. Nicholson).

⁶² См. Dietrici, *Der Darwinismus im 10. und 19. Jahrhundert* (Дарвинизм в 10 и 19 веках), (Лейпциг, 1878; и Руми, Маснави).

⁶³ Шабистари, *Sad ma'īn/Taiyibī cad*, (тринадцатый-четырнадцатый века); Сайад Ахмед Хатиф Исфাহани, *Tardjībānd*; и др.

⁶⁴ Например: «В сокрытом Мире тучи и дождь иного вида... они зримы только для очищенных, – тех, кто не обманывается кажущейся совершенностью обычного мира» (Руми, Маснави): Гхаиб ра абри ва аби дигар аст Асман ва афтаб-и-дигар аст Найяд ан илла ки бар ракан падиб Баркийан фи лабс мин халкин джадид.

⁶⁵ Например, книга Худжири (XI век) «Раскрытие Скрытого за Завесой» в разделе «Итоговый перечень их чудес».

⁶⁶ См. напр., Nicholson, *Diwan-i-Shams-i-Tabriz*, стр. 32 (п. IX), Персидский текст тринадцатого столетия.

библейские «даты» Сотворения Мира – от четырех до семи тысяч лет. Однако, согласно некоторым недавним исследованиям, «современному» человеку около тридцати пяти тысяч лет⁶⁷.

Самая язвительная критика в адрес суфиев, и поныне звучащая в определенных кругах, объясняется тем, что суфийские авторы в своих классических произведениях постоянно предупреждали об опасных последствиях воспитания, прививающего людям всякого рода одержимость, и, к ужасу религиозных фанатиков, указывали, как нежелательно навязывать человеку идеи и выдавать эмоциональные переживания за духовные дары. Но лишь в последние несколько десятилетий стали появляться специалисты, разбирающиеся в этом вопросе лучше, чем духовенство⁶⁸.

Особая побочная проблема здесь состоит в том, что в то время как ученые, вполне справедливо, будут ожидать научного подтверждения этого материала или попытаются его исследовать, легковверные оккультисты столпятся вокруг суфия, упоминающего обо всех этих вещах как явлениях, вытекающих из суфизма, и настойчиво, как своего законного права, потребуют магических знаний, способности владения собой, высшего сознания, раскрытия тайн и прочего.

Для суфия легковверные и подчас неуравновешенные люди могут представлять более серьезную проблему, чем скептики. Так называемые верующие, создают дополнительные трудности, ибо не оправдав своих надежд на получение легкодоступного магического знания, они вскоре могут обратиться к тем организациям (действующим из лучших побуждений или же из иных), которые создают впечатление, будто способны утолить жажду неизвестного или чудесного и предложить, что называется, «кратчайшие пути». Не станем отрицать, мы сами употребляем это выражение, но всегда с оговорками, как например, в следующей фразе: «И все же, адепты разработали кратчайшие пути к достижению божественного знания. Путей к Богу столько же, сколько человеческих душ («я»)⁶⁹». Несколько подобных организаций существуют в Британии и Америке. Если вы, предположим, выпишете себе литературу одной из них, то получите публикацию, в которой утверждается, будто суфии предпочитают вегетарианскую диету, и ученики, прежде чем приступить к развитию «оккультных сил», должны «освободиться от кастовых, расовых и религиозных предрассудков».

Другие течения, относящие себя к суфиям, идеализируют своих основателей, предлагая последователям некую посвятително-религиозную церемонию, или практикуют декламации под музыку, с тем чтобы ввести искателя в состояние благотворного экстаза; и это несмотря на то, что в суфийском учении повсюду указывается, что музыка может приносить вред⁷⁰, и что основным достоинством суфизма является то, чему учат, а не личность учителя. Здесь, опять же, выгода от знакомства с суфийской информацией неизменно сводится на нет из-за неправильной практики и выборочного пристрастного чтения суфийской литературы.

⁶⁷ Профессор Mohammed Ali Aini, п. А. Rechid, *La Quintessence de la philosophie de Ibn-i-Arabi* («Квинтэссенция философии Ибн аль-Араби»), (Париж, 1926) стр. 66, 67

⁶⁸ Джунаид из Багдада (умер в 910г.) так ответил ограниченному уму: «Никто не достигнет ступени истины, прежде чем тысяча искренних людей не присягнут, что он еретик».

⁶⁹ По-арабски: «Ал-туруку иллахи ка нуфуси бани Адама» (смотри Sirdar Ali Shah, *Islamic Sufism* – «Исламский суфизм», стр. 211

⁷⁰ См., например, Саади (1184–1263), Гулистан («Сад роз»), «О манерах дервишей», перев. Agha Omar Ali-Shah, *Gulistan* (Шейх Муслихундин Саади Ширази, «*Le Jardin de Roses*», Париж, 1966) Сравни с Ибн Хамданом, которого цитирует Худжвири в книге «Кашф»: «Ни в коем случае не обучайся музыке, ибо это преградит тебе путь к более высоким восприятиям». Современные дервиши Ордена Чистити в этом вопросе далеко отошли от наставлений своего основателя, довольствуясь разобщенным или экстатическим состоянием, которое навевается в результате слушания или исполнения музыки. Муинундин Чистити и сам высказывался против этой практики: «Им известно, что мы слушаем музыку и что в результате этого постигаем определенные «тайны». Поэтому, они исполняют музыкальные мелодии и погружаются в «состояния». Знай же, чтобы ты ни изучал, необходимо выполнять все соответствующие требования, одной только музыки, размышления или концентрации недостаточно. Запомни: нет пользы от чудесного молока, которое корова тут же проливает на землю». (Рисалат, «Послания к ученикам»).

Азиатские эмигранты в Англии – арабы (в основном из Адена и Сомали), а также индусы и пакистанцы – завезли еще одну форму «суфизма». Движение это сосредотачивается вокруг мусульманских религиозных фанатиков, которые, подобно своим одурманенным той или иной доктриной собратьям во всем мусульманском мире от Марокко до Явы, собираются для совместных молитвенных упражнений, эмоционально их возбуждающих и порою вызывающих своего рода катарсис. Они используют суфийскую терминологию и копируют внешний вид суфийской организации, открывая свои филиалы и ответвления во многих индустриальных и портовых городах Британии.

Помимо того, что многие из участников этих групп уже неспособны изучать суфийские идеи (ведь им уже и так все о них известно), проблема здесь заключается в том, что буквально никто – будь то социолог, антрополог или рядовые граждане – ни в одном из конкретных случаев не в состоянии увидеть, что всё это представляет собой суфизм не более, чем укротители змей представляют индуизм, обходительные манеры – христианство, или игра в «Бинго» – математику. И вновь качество приобретений оказывается весьма низким, потери же – немалые. Некоторые из членов подобных групп – явные истерики. Другие ни о какой другой форме суфизма никогда и не слышали⁷¹. Для них утверждения, подобные заявлению ибн аль-Араби о том, что «Ангелы – это силы, сокрытые в способностях и внутренних органах человека», покажутся настоящим богохульством – и, тем не менее, Ибн аль-Араби⁷² для них авторитет!

Вполне возможно, что эти объединения (благодаря пылкому энтузиазму, эффективному вложению денег и использованию современных средств массовой информации) обозреватели в целом сочтут истинно суфийскими или представляющими суфийские идеи. Но очевидно, правильно будет сказать, что религия – дело слишком большой важности, чтобы отдавать его на откуп теоретизирующим вне опыта интеллектуалам или же профессиональному духовенству. Последние всегда норовят «прибрать к рукам» деятельность, проистекающую из благочестия и сердечной преданности высшему началу. Это издавна укоренившаяся практика. Так, Газали в средние века считался на Западе католиком-богословом. «Св. Иосафат» на поверку оказался Буддой, а «св. Хараламбос» греков, как выяснилось, был не кто иной, как дервишский учитель Хаджи Бекташ Вали, основатель ордена Бекташи⁷³. Христианский святой пятнадцатого века Серапион – дервишский поэт Тураби⁷⁴.

Аналогичное положение наблюдается и в странах Востока, где самые разные и нередко весьма добродушные энтузиасты заглушают суфиев, выдавая свои собственные гротескные учения за истинный суфизм. Для многих европейцев, интересующихся суфийским наследием, сложившаяся ситуация порождает трудную и в большинстве случаев неопознаваемую проблему. Оказавшись перед выбором: принять или отвергнуть, множество подобных изучающих, убежденные в том, что это и есть суфизм, раз так считает большинство местных жителей, кончали либо полным отращением к суфизму, либо огульным, безоговорочным его принятием. В Британии, не говоря уже о других западных странах, есть немало примеров этого «синдрома обращения в суфизм» – иногда даже в тех случаях, когда в дело вовлекались довольно

⁷¹ Хотя на словах все признают учения Ибн Эль-Араби, тем не менее мало кто усвоил, например, следующее его высказывание, относящееся к Суфизму: Она поставила в тупик всех ученых Ислама, Всех, кто изучал Псалмы, Всех еврейских раввинов, Всех христианских священников. Или знаменитые слова Абу Сайда ибн Абу-Хайра (1040 г.): Пока не падут медресе и минареты, Наша святая работа не завершится. Пока вера не станет отвержением, а отвержение – верой Не будет истинного мусульманина. ОБ ОГРАНИЧЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО «НОСИТЕЛЯ»: «Как мне быть, о мусульмане? Я самому себе не знаком. Не христианин я, не еврей, не маг, не мусульманин. Не с востока, не с запада...» Диван-и-Шамс-и-Табриз. XXX, стр. 124 (персидский текст).

⁷² Ибн Эль-Араби, «*Фусус эль-Хикам*» («Грани Драгоценного камня или Фрагменты мудрости»), Эль-Фас Эль-Адамина («Фрагменты Адама») пересказано в книге S. A. Q. Husaini, *Ibn Al Arabi* (Лахор, 1931); Французская версия; Burchardt T., *La Sagesse des Prophetes* (Париж, 1955), p.22 f

⁷³ J. K. Birge, *The Bektashi Order of Dervishes* («Дервишский орден Бекташи»), (Лондон, 1937), стр. 39, прим. 3

⁷⁴ Brown, *The Dervishes*, стр. 475

разумные и последовательные люди готовы пролезть на страницы печати, только бы доказать, что данный культ, каким они его встретили среди экстатических приверженцев, достоин того, чтобы быть внедренным на Западе⁷⁵.

Когда думаешь обо всем этом, на ум невольно приходят жутковатые сравнения с аналогичной ситуацией в глухой и далекой от цивилизации местности, куда передовые идеи хотя и проложили себе дорогу, но местные жители в отсутствии точной и упорядоченной информации истолковывают их поверхностно, а то и совершенно искаженно. Вспоминаешь рассказы о «грузовых культах» в малоразвитых племенных общинах: их члены сооружали копии самолетов из консервных банок, в твердой уверенности, что благодаря этой магической процедуре, чудеса доставки с неба полезных вещей не прекратятся⁷⁶.

И все же, в действительности, нет недостатка в основополагающей информации о суфийских идеях. Информация есть, но большая часть ее не изучается или не усваивается теми, кто был бы способен на это. Здесь-то и возникает другая специфическая проблема, зависящая от того, где такие материалы появляются.

Большинство материалов по суфизму и суфиям, и среди них результаты превосходных наблюдений, исследований и полевой работы в Азии, Африке и Европе, время от времени мелькают в обычной прессе. Но поскольку авторы этих работ не всегда «признанные авторитеты», и поскольку работы эти публикуются в печатных органах, чей авторитет в данной области тоже ставится под сомнение, им легко остаться незамеченными.

Вот несколько недавних примеров:

Идеи и упражнения суфиев в Пакистане, Тунисе, Марокко и других местах описал С.М. Берк – две его блестящие статьи, были напечатаны в журнале «*Blackwoods Magazin*»⁷⁷ за 1961 и 1962 гг. Он обрисовал теории и упражнения, хорошо известные в суфийской практике, но в публичной литературе далеко не всегда точно представленные. Неплохой репортаж о суфийских верованиях и собраниях в Париже⁷⁸ в 1961 г. поместила на своих страницах дельйская газета. В специализированном журнале за 1962 год⁷⁹ была напечатана важная статья одного египетского врача, в которой описывались идеи и психотерапевтические процедуры центрально-азиатского дервишского общества с международной сетью филиалов. В востоковедческой или даже оккультной литературе такого рода материал обычно не публикуется.

До сих пор, по-моему, не приводилось ни одной цитаты из ценной статьи другого автора – исследователя живой устной традиции «тайного учения» на Среднем и Дальнем Востоке. Статья эта в 1960 г. была опубликована в «*Contemporary Review*»⁸⁰.

Желание распространять суфийские идеи и упражнения, особая манера, с которой это делается, а также символические демонстрации суфийских идей, проведенные в многочисленном гиндукушском сообществе, располагающем в Европе своими отделениями, – обо всем этом нас информирует еще один первоклассный документ. И нет сомнения, что, поскольку

⁷⁵ Иногда эти культы предстают в виде таких искаженных сообществ, как те, что описаны мною в книге «Цель путешествия – Мекка», стр. 169

⁷⁶ P. Lawgense, *Road Belongs to Cargo* («Дорогой груза»), (Лондон, 1964) книга содержит описание этого культа, снабжена отличной библиографией.

⁷⁷ Том 290, № 1754, стр. 484-595, и том 291, к: 1756 стр. 123–135.

⁷⁸ *Siraat* (на английской языке), Дели, том 1, № 5, первое января 1961, стр. 5, кол. 1-3, *Sufism in a changing world* («Суфизм в изменяющемся мире»), автор: Selim Brook White («*Murid*»)

⁷⁹ *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*, том 10, № 4 (октябрь), стр. 271-274, J. Hallaj, *Hipnotherapeutic Techniques in a Central Asian Community* («Гипнотерапевтическая техника в центрально-азиатской общине»). Переиздание в R. E. Shor and M. T. Orne, *The Nature of Hipnosis (Природа Гипноза) (Selected Basic Readings)*, (Нью-Йорк, 1965), том 6, стр. 453 и следующие.

⁸⁰ Том 197, № 1132, май, 1960: W. Foster, *The family of Hashim* («Семья Хашима»), стр. 269-71

опубликован он был в женском еженедельнике «*Lady*»⁸¹, его, как исследовательский материал, можно считать пропавшим⁸².

Корреспондент газеты «*The Times*»⁸³, решительный автор, писавший в 1964 г., опубликовал отчет об идеях и практике в Афганистане и об их разновидностях и производных в арабском мире.

Этот ценный репортаж вряд ли когда-нибудь составит часть формальной литературы по суфизму. Хочется упомянуть также статью в журнале «*She*» за 1961 год, и затем следующую – за 1965 год⁸⁴, обе они предлагали, по крайней мере, интересный материал и кое-какие прежде не приводившиеся факты.

⁸¹ Том CLXII, № 4210, 9-е декабря, 1965: D. R. Martin, *Below the Hindu Kush* («У подножия Гиндукуша»), стр. 870

⁸² Некоторые из этих статей перепечатаны в сборнике R. W. Davidson, *Documents on Contemporary Dervish Communities* («Документы о современных дервишских обществах»), (Лондон, 1965–1967)

⁸³ *The Times*, № 55955, за 9 марта, 1964. *Elusive Guardians of Ancient Secrets* («Неуловимые хранители древних секретов»), стр. 12, кол. 6-8

⁸⁴ *She* (журнал) (март, 1963), стр. 58: *She Looks at religion* – №11; а также (сентябрь, 1965), Mir S. Khan, *The Hard High Life*, стр. 68-70 (обе статьи иллюстрированы).

Формы суфийской деятельности

Чему еще учат суфии, как они это делают и с какими специфическими проблемами столкнется тот, кто хотел бы узнать суфийские идеи из достоверного источника?

Суфии утверждают, что существует такая форма доступного человеку знания, которая по отношению к схоластической учености, все равно что зрелость по отношению к младенчеству. Вот пример из Аль-Газали: «У ребенка нет реального представления о достижениях взрослого. Рядовому взрослому не понять достижений ученого мужа. Точно так же ученый не способен разобраться, в чем состоит практика озаренных святых или суфиев»⁸⁵. Прежде всего заметим, что такая концепция далека от того, чтобы немедленно вызвать к себе расположение ученого. И проблема эта не нова. В одиннадцатом веке Мухаммад Аль-Газали (Альгазель), спас мусульманских теологов, истолковав исламские тексты таким образом, что это позволило ученым ислама успешно отразить натиск греческой философии. Тем самым он поставил схоластов перед фактом, что их подход к познанию уступает методу постижения, обретаемому посредством суфийской практики. Они же сделали его своим героем, а их преемники до сих пор пользуются его толкованиями, обучая ортодоксальному исламу, и не обращают внимания на его утверждение, что академическое изучение само по себе недостаточно и относится к более низкому уровню, чем истинное знание.

Можно вспомнить и Руми, великого мистика и поэта, сообщившего своим слушателям, что он, как и подобает хорошему хозяину, потчует гостей стихами – поскольку это удовлетворяет их вкусам, – и подает им то, что они спрашивают. Но, продолжал он, поэзия – хлам по сравнению с определенной ступенью развития, которой может достичь человек. Это замечание Руми не утеряло своей остроты, и кое-кого может задеть даже сегодня, почти семьсот лет спустя. Недавно один обозреватель влиятельной британской газеты, прочитав процитированный отрывок, пришел в такое негодование, что заявил: «Руми может считать, что поэзия – хлам. Я же считаю, что в этом переводе его поэзия превращается в хлам».

Но суфийские идеи, излагаемые подобным образом, никогда не были предназначены бросать вызов человеку, они лишь указывали ему более высокую цель, поддерживали его догадку о том, что человеческий ум, развиваясь, может раскрыть в себе функцию, способную, к примеру, породить суфийских гигантов. Любители поспорить неизбежно обрушиваются на эту идею. Именно преобладание подобной реакции и дает суфиям основание утверждать, что люди в действительности не хотят того знания, которым суфизм готов наделить их, они, в сущности, ищут лишь удовлетворения в рамках своей собственной системы мышления⁸⁶. Но, как настойчиво повторяют суфии: «Краткий миг в кругу Друзей (суфиев) лучше, нежели сто лет ревностного поклонения» (Руми).

В суфизме также заявлено, что человеку по силам стать объективным и что объективность позволяет индивиду постигать события «высшего» порядка. Таким образом, человеку предлагается сделать попытку подтолкнуть свою эволюцию по направлению к тому, что в суфизме иногда называется «истинным умом»⁸⁷.

⁸⁵ Из монументального «Возрождения религиозных наук» Аль-Газали.

⁸⁶ Изречения ранних исторических суфийских учителей о суфиях и суфизме. Дхун-Нун Египетский (умер в 860г.): «Суфий» – тот, чья речь согласуется с его поведением, чье молчание указывает на его состояние, и кто рвет мирские связи». Женщина-адепт Рабия аль-Адавия (умерла в 717г.): «Суфий – тот, кто не страшится ада и не вожделеет рая». Абдул-Хасан Нури (умер в 907г.): «Суфизм – это отречение от всех удовольствий (преходящего) мира». Худжвири (одиннадцатый век): «Последователь суфизма – тот, кто через борьбу стремится достичь такой ступени, когда он становится мертвым в отношении себя и живым – по отношению к истине. Достигший этой цели называется суфием». Джунаид из Багдада (умер в 910г.): «Суфизм – это атрибут, на коем зиждется человеческое существование». Нури: «Суфий ничем не владеет и ничто не владеет им». Ибн Эль-Лалали (одиннадцатый век): «Суфизм – это истина, лишённая определений».

⁸⁷ Руми, «акл» – истинный разум. Он также говорил: «Книга суфия к буквам и грамотности не имеет отношения» («Мас-

Далее суфии утверждают, что поскольку знание это совершенно невозможно изучать по книгам, большая часть его передается путем взаимодействия между Учителем и Учеником, в личном контакте. Они не устают повторять также, что уделяя слишком много внимания письменным текстам, человек может даже себе навредить. Отсюда вытекает другая проблема и состоит она вот в чем: принять это положение чрезвычайно трудно, как ученому, так и любому образованному члену огромного современного сообщества, поскольку каждый из них полагает, пусть даже только подсознательно, что все существующее знание, несомненно, хранится в книгах.

И, тем не менее, суфии долго и упорно работали над тем, чтобы приспособить письменное слово для передачи определенных частей своего учения. В результате появился зашифрованный материал, который требовал умелого с ним обращения. Стоявшее за этим намерение не обязательно или не всегда заключалось в сокрытии подлинного смысла текста, скорее в том, чтобы после расшифровки показать: произведение, которое внешне выглядит как законченная поэма, миф, трактат и т.д., допускает также и другую интерпретацию – своего рода демонстрация, подобная калейдоскопу. А когда суфии, рассчитывая на такой же эффект, рисуют диаграммы, имитаторы просто-напросто копируют рисунки, чтобы затем использовать их в соответствии с собственным уровнем понимания⁸⁸.

Другой суфийский прием также является вызовом для многих исследователей. Дело в том, что немало отрывков из суфийских книг и даже целые книги или последовательный ряд утверждений рассчитаны на то, чтобы стимулировать мышление, иногда даже с целью спровоцировать здравую критику. Читатели же, склонные понимать все буквально, слишком часто воспринимают такие тексты, как достоверное изложение убеждений автора⁸⁹.

На Западе в целом существует огромное количество переводов, но все они, в основном, представляют собой буквальные пересказы одной только грани многогранных текстов. То, что такие грани вообще существуют, западным исследователям в принципе известно, но они это знание в своей работе пока никак не использовали. Справедливости ради следует отметить: некоторые из них признали, что такое им не по силам⁹⁰.

Далее, умы некоторых людей просто не в состоянии переварить еще одну суфийскую идею, а именно, что, как уверяют суфии, суфизму можно обучать в самых разных формах и обликах. Иначе говоря, суфии в этом вопросе не придерживаются никаких условностей⁹¹. Одни довольно удачно используют религию, другие – романтическую поэзию, третьи имеют дело с шутками, притчами и легендами, а некоторые в своей работе опираются на различные формы искусства и плоды ремесленного труда. Исходя из своего опыта, суфий может сказать, что все эти направления законны. Но человек посторонний, воспринимающий все буквально, каким бы искренним он ни был, часто с раздражением требует ясного ответа, кто же такие эти суфии (или та или иная группа суфиев): они алхимики или члены братств, религиозные

нави»).

⁸⁸ Именно так психологические и другие диаграммы превращаются в «мандалы» и «магические фигуры».

⁸⁹ По этой причине различные варианты дервишских посвячительных историй, собранные в моей книге «Сказки дервишей» (Лондон, 1967) были представлены суфийскими учителями в качестве реальных событий, происшедших лично с ними.

⁹⁰ По словам профессора А. J. Abergy из Кэмбриджа, доктрина эта не ясна, потому что «основана главным образом на переживаниях, которые по самой своей природе непередаваемы». (*Tales from the Masnavi*, (Лондон, 1961), стр. 19). Технический термин Джинас-и-Мукхариф, широко применяемый в поэзии, обозначает один из таких приемов, а именно: использование схожих по написанию слов, имеющих разные значения. Gibb в своей книге *History of Ottoman Poetry* («История османской поэзии»), (1900, I, 118) обнаруживает знакомство с этой системой, но не применяет ее в своих исследованиях.

⁹¹ Махмуд Шабистари (1317) вместе со многими суфийскими учителями, говорит о временной функции формулировки: Если бы мусульманин знал, что такое идол, Он знал бы, что и в идолопоклонстве есть религия. Если бы идолопоклонник знал, что такое религия, То понял бы, в каком месте он сбился с пути. Ничего, кроме очевидного, не видит он в своем идоле – явном создании рук человеческих. Вот почему, по Закону ислама, он – язычник. («ГУЛЬШАН-И-РАЗ» – «Сад тайн») Персидский текст: Мусулман гар би-данист ки бут чист Би-данисти ки дин дар бут параст. Агар мушрик зи дин агах гашти Куджа дар дин и кхуд гумрах гашти. На дид у дар бит илла кхалки захир: Бадан иллат шут ан дар Шара, Кафир.

фанатики или шуты⁹², может быть, они ученые – кто же они, в конце-то концов? Проблема эта, хотя ее можно считать особо характерной для суфизма, сама по себе отнюдь не нова. Под прикрытием закона суфиев уничтожали физически⁹³, или изгоняли из родных мест, или сжигали их книги—и всё за то, что они пользовались нерелигиозными или неприемлемыми в данной местности формулировками. Некоторых из величайших суфийских классиков обвиняли в ереси, вероотступничестве, а также в политических преступлениях. Даже сегодня на них обрушивается огонь со стороны ортодоксов самого разного толка – не обязательно религиозных⁹⁴.

Хотя суфии утверждают, что суфизм – это эзотерическое учение внутри ислама (с которым, стало быть, он полностью согласуется), даже беглый обзор известных истоков суфизма раскроет нам, что он послужил основанием для формулировок, между которыми, как считает большинство, нет ничего общего. Поэтому, хотя «цепь передачи», к которой относятся известные учителя восходит к самому Пророку Мухаммаду (по той или иной линии преемственности, используемой какой-либо школой или учителем), эту же цепь передачи (те же авторитеты) могут рассматривать, как берущую начало, к примеру, от Увайса эль-Карни (умер в VII в.), который вообще ни разу в жизни не встречался с Мухаммадом⁹⁵. Такой авторитет, как Сухраварди, определенно утверждает (так же, как и розенкрейцеры, и другие – хотя и намного раньше их), что это, по сути, является формой мудрости, которая была известна и практиковалась преемственным рядом мудрецов, включая таинственного древнего Гермеса из Египта⁹⁶. Другой автор, не менее известный, Ибн эль-Фарид (1188–1235) обращает внимание на то, что суфизм лежит за пределами всякой систематизации. Он говорит, что «Наше вино существовало до так называемого ВИНОГРАДА И ВИНОГРАДНОЙ ЛОЗЫ» (школы и системы):

Чествуя Друга, мы опьянялись вином
Еще до сотворения виноградной лозы⁹⁷.

Не подлежит сомнению, что дервиши, намеревавшиеся стать суфиями, по традиции собирались вместе для изучения любых остатков этого знания, в надежде на то, что в их среде объявится толкователь и вдохнет жизнь в принципы и в практику, действенный смысл которых был для них утерян. Разумеется, такого рода теорию можно обнаружить и на Западе в Вольном

⁹² Сколь мало эта важная часть суфийской передачи известна в «специальной литературе», подтверждается уже тем фактом, что почти единственное упоминание о юморе в современном суфизме можно найти у американского исследователя Birge, в его книге *The Bektashi Order of Dervishes* («Дервишский Орден Бекташи»), (стр. 88), но даже он считает это лишь «характерной особенностью» изучаемого им ордена. См. также I. Shah *Exploits of the Incomparable Mulla Nasrudin* («Подвиги несравненного Муллы Насреддина»), (Лондон, 1966).

⁹³ Наиболее известный случай – с Хусейном ибн Мансуром эль-Халаджем, суфийским великомучеником, которого в 922 г. заживо четвертовали за то, что он якобы провозгласил себя Богом, а труп сожгли по приказу Калифа эль-Муктадира, из Дома Харун аль-Рашида. Профессор Луис Масиньен специализировался на литературе о Халадже. См. примечание 101, ниже. Так же был казнен в двенадцатом веке и Великий учитель Сухраварди за обучение «древней философии» (см. прим. 19 и выше).

⁹⁴ Об обусловленных и догматических группах и движениях смотри R. J. Lifton, *Thought Reform* («Реформа мышления»), (Лондон, 1961); J. Mann, *Changing Human Behaviour* («Изменение человеческого поведения»), (Нью-Йорк, 1965); W. J. H. Sprott, *Human Groups* («Человеческие группы»), (Лондон, 1958); M. Phillips, *Small Social Groups in England* («Малые социальные группы в Англии»), (Лондон, 1965).

⁹⁵ История о том, как Спутники Мохаммеда посетили Увайса после смерти Пророка содержится во многих книгах, включая и хорошо известное сочинение «Повесть Друзей» («Жития святых») Фаридуддина Атгара, переведенное A. Pavet de Courteille как *Le Memorial des saints* («Памятник святых»), (Париж, 1889), стр. 11. См. английский сокращенный вариант этой книги Dr. V. Behari, *Fariduddin Attar's Tadhkiratul Aulia*, («Тадхтиратул-Аулия Фаридуддина Атгара»), (Лахор, 1961).

⁹⁶ Смотри «Авариф-и-Ма'риф», написанный в тринадцатом веке Шейхом Шахабуддином Умаром ибн Мохамедом Сухраварди (вариант Махмуда ибн Али Алкашани, перевел с персидского на английский подполковник H. Wilberforce Clarke, (Калькутта, 1890).

⁹⁷ По-арабски этот отрывок гласит: «Шарибна ала дхикри ал хабиби мудамату/ Шакирна би ха мин кабли ан юкхлака, алкарму». Профессор Хитти (цит. произв. стр. 436) называет Ибн эль-Фарида единственным арабским мистическим поэтом. Перевод Вильберфорса Кларка смотри выше, прим. 82.

масонстве (в его «Утерянном Секрете»). Существование подобной практики вполне подтверждается, например, в учебном руководстве «Аварив-уль-Маариф», а те, кто питает интерес к подобным вещам, рассматривают это как проявление мессианских ожиданий в суфизме. Чем бы это ни было (а оно относится лишь к «подготовительной стадии», а не к самому суфизму), имеются свидетельства, что время от времени учителя, иногда таинственного происхождения, находили себе последователей, как в Европе, так и на Ближнем Востоке, и, независимо от психологических особенностей или религиозной принадлежности этих людей, вдохновляли их на путь суфийского учения. Эти таинственные фигуры упоминались, как Универсальные или Совершенные Люди (Инсан-и-Камил). Так было в случае с Руми и Шамсом из Тебриза; с Бахудином Накшбандом⁹⁸ из Бухары (жил в XIV веке); с Ибн Эль-Араби, использовавшим в своем учении термины религии, образы древности и любовную поэзию; и со многими другими, менее известными в западной литературе.

Проблема ученика здесь не в том, имела ли место на самом деле эта «иррациональная» форма деятельности или возобновление традиции, а скорее в том, что ему психологически трудно считать таких людей в действительности обладающими особой функцией «соединять капли ртути» или «оживлять, пробуждать внутренний поток в человеке».

Но мы еще даже не приступили к перечислению областей, в которых суфии и изобретенные ими учреждения (эти последние не являются распространенными, потому что Суфизм – это действие, а не общественный институт) осуществляли социальную, философскую и другие виды деятельности в период прошедшего тысячелетия. Личности, на вид такие разные, как резкий в своей прямоте Руми, безгрешный Чишти, «опьяненный Богом» Халадж⁹⁹, государственные деятели Муджадидов и т.п. трудились на протяжении веков, чтобы способствовать действительному воссоединению обществ, которые казались разъединенными безвозвратно...

В награду за свои труды, которые были оценены, опять-таки, исходя из несоответствующих, а зачастую и ошибочных критериев толкователей, эти люди были заклеены как тайные приверженцы христианства, иудаизма, индуизма, как еретики и солнцепоклонники. Когда бекташи употребляли цифру двенадцать и, подобно Руми и Араби, отводили христианским мифам высокое место в своих учениях, то было решено (и так по-прежнему считают), что они, таким образом, всего лишь, пытались нажиться на многочисленной христианской общине, лишенной действительного пастырства. Правомерность этого обвинения еще ждет своего подтверждения, после того как будет исследована суфийская позиция, согласно которой, христианские, так же как и многие другие формулировки, содержат в себе ряд ценных прозрений, в соответствующих обстоятельствах способных быть задействованными для блага человека.

Последователи Хаджи Бекташа (умер в 1337 году) в свое время считались, а в некоторых местах считаются и поныне, людьми безнравственными только за то, что на свои собрания они допускали женщин. Никто не мог или не хотел понять их, когда они говорили, что необходимо восстановить социальное равновесие в обществе, основанном на мужском господстве. «Восстановление социальной справедливости для женщин» звучало просто как предлог для оргий, до тех пор, пока совсем недавно не стало «благородной» целью.

Никто поэтому даже в XIX и в начале XX века не взял на себя труд рассмотреть утверждение такого выдающегося турецкого суфия и ученого, как Зия Гёкалп¹⁰⁰, который сказал, что суфийские писатели еще столетия тому назад создали и применяли теории, отождествленные позднее с именами Канта, Фуйе, Грюйо, Ницше и Вильяма Джеймса.

⁹⁸ Неправильно, но часто произносится «Накшибанд»

⁹⁹ Смотри Professor L. Massignon, *Le Diwan d'Al Hallaj* («Диван Халаджа»), (Париж, 1955 и последующие издания).

¹⁰⁰ Смотри его *Turkish Nationalism and Western Civilization* («Турецкий национализм и западная цивилизация»), (Лондон, 1959)

Тут мы подходим к еще одному важному суфийскому принципу, с которым необходимо встретиться лицом к лицу, именно он то и вызывает недоумение и даже ярость у определенного типа людей. Этот принцип выражен в утверждении, что когда суфийская деятельность сосредотачивается в одном месте или в одном обществе в очень активной и «реальной» (не в подражательной) форме, то это делается для специфических целей и в течение ограниченного промежутка времени. Людям, которые заявляют: «Дайте мне это здесь и сейчас или вообще не надо», такая констатация факта совсем не по душе. Эту же идею можно выразить и другими словами: ни одно общество не является совершенным (завершенным), а его потребности не могут быть точно такими же, как у других обществ. Ни один суфий не учреждает институтов, предназначенных к вечному существованию. Внешняя форма, в которой он выражает свои идеи – лишь временное средство, приспособленное для местного применения. То, что вечно, говорит он, лежит в другом измерении.

Трудности в понимании суфийских идей

В наш век, век повсеместно расплывающейся заорганизованности, разъяснить этот вопрос, по меньшей мере, так же трудно, как и когда-либо прежде. И все-таки еще тысячу лет назад странствующий дервиш Нифари из Египта в своей классической книге «Мувакиф», сохранившей значение и в наши дни, настойчиво предостерегал от опасности принимать средство за цель.

С этой проблемой теснейшим образом связана задача руководства или обучения. Суфийский учитель не бог, он – проводник и инструктор. Культ личности в Суфизме¹⁰¹ недопустим. Об этом свидетельствуют высказывания Руми:

«Оторви свой взгляд от моей внешности и возьми то, что у меня в руке»; и Гургани:

«Смирение мое, превозносимое тобой, не для того, чтобы производить на тебя впечатление, оно существует по своей собственной причине¹⁰²». И все же притягательность личности для обычного человека столь велика, что преемники суфийских учителей стремились отнюдь не к живому применению преподаваемых принципов, а скорее, к созданию жизнеописаний святых и причудливых, ущербных систем. Тема временной функции «кокона» была удобно забыта. Отсюда постоянная необходимость в новых образцах.

Очередной проблемой студента, не ведающего о вышеупомянутых сложившихся обстоятельствах, станут так называемые «иллюстративные биографии». Подобно мифам, которые в драматической форме могут описывать определенные факты, биографии эти содержат материал для изучения, рассчитанный на то, чтобы произвести особое воздействие. С течением времени они исчерпывают свою полезность и представляются не более чем выдумкой, или в них видят описание действительных событий. Найдется ли историк, который добровольно откажется от такого материала в качестве источника? Так, например, поскольку в биографии Мауляны Джалалуддина Руми¹⁰³ сообщается, что он проводил изрядное время в своей турецкой бане, – искатели высшего сознания и взыскатели просветления придали этому рассказу такое огромное значение, что пустились сооружать собственные парные бани с тем, чтобы регулярно посещать их. У них, в свою очередь, есть свои подражатели...

Те, кто не забыл стишки детских лет, смогут воспринять один из аспектов суфийского изучения, поразмыслив о несчастном Шалтае-Балтае. Подобно Шалтаю, суфийские идеи, после того, как их восприняли на самом низком из возможных уровней, весьма сильно обесценились. И вследствие этого они угодили во всевозможные странные места. Разглядывая обломки Шалтая, хочется назвать эмоциональных искателей и традиционных ученых «королевской конницей» и «королевской ратью» из этого детского стишка. И у тех и у других налицо неизбежная беспомощность ввиду стоящей перед ними задачи. Человек и конь или любое их количество, королевские они или нет, пригодны для выполнения множества разнообразных задач, но не более того. Как и в детском стишке, здесь чего-то не хватает: и если они не суфии или не задействуют суфийские методы, им ни за что не «собрать Шалтая». Есть кони, есть всадники, но нет того, что направляет их движение, нет знания.

Если суфийские идеи, – (например, те, что выражены в книжной форме или находятся в обращении среди подготовительных или «осиротелых» общин и обретают конкретное применение благодаря учениям и наличию живого человеческого образца – учителя) – и в самом деле предназначены произвести тип мышления более ценный, чем механистический, исследо-

¹⁰¹ Например, изречение Ибн Эль-Араби: «Люди думают, что шейх должен показывать чудеса и признаки озаренности. От учителя, однако, требуется, чтобы он обладал всем, в чем нуждается ученик и не более того».

¹⁰² Из «Раскрытия Скрытого» Худжвири.

¹⁰³ Мунакиб см. прим. 55 выше.

ватель (не без основания) может заявить, что имеет право ознакомиться с конечным результатом. Так, возможно, он будет ожидать, что суфии, неизменно выполняют значительную или даже решающую роль в человеческих делах. Но хотя сам суфий не согласился бы с тем, что его цель – публичное признание (большинство из них избегает славы), и хотя он отнюдь не горит желанием стать кем-то вроде АЛЬБЕРТА ШВЕЙЦЕРА-НАПОЛЕОНА-ЭЙНШТЕЙНА в одном лице, существует, тем не менее, немало свидетельств мощного суфийского наследия. Тем же, кто пытается ограничить суфизм рамками того или иного культа и нацепить на него соответствующий ярлык, еще более удивительными покажутся широта и разнообразие суфийского влияния, даже оставляя в стороне утверждение суфиев, что их величайшие фигуры – почти всегда анонимны.

На протяжении последнего тысячелетия, главным образом в периоды монархического правления, суфии были королями или стояли за их спиной в качестве советников. В то же самое время, но при других обстоятельствах, суфии боролись против самого института монархии или же трудились, чтобы смягчить ее злоупотребления. Имена многих из этих мужчин и женщин известны. Индийский Могол Дара Шикох стремился перекинуть эзотерический мост между индусами, мусульманами и другими своими подданными¹⁰⁴. Суфии-патриоты сражались с иностранными солдатами, а суфийские солдаты точно так же боролись за сохранение существующих режимов – и порой в довольно крупном масштабе: как, например, вдохновленные суфиями турецкие янычары, или вождь сопротивления на Кавказе Шамиль, или Сануси в Ливии, или дервиши Судана.

Почти вся персидская литература классического периода является суфийской; сюда же можно отнести и бесчисленные научные, психологические и исторические произведения.

Все вышеприведенные сведения – есть факты, исторически засвидетельствованные, и этот список легко продолжить в более полном объеме и количестве.

Фрагментарные исследования ортодоксальных ученых, посвятивших себя этой области, имеют огромную ценность, поскольку сохраняют большой фактический материал, и на их работы я неоднократно ссылался в этой статье, однако, чтобы собрать воедино и сопоставить масштаб и значение суфийской деятельности в человеческом обществе необходим совершенно новый дух в сфере познания. И это единственный путь, если мы хотим сохранить достижения и уменьшить потери.

Исследователям нового типа – и здесь возникает еще одна проблема, – помимо того, что они должны быть менее склонны к догматизму, нежели их предшественники, придется принять во внимание утверждение самих суфиев, гласящее: «Изучение суфизма требует определенного настроения ума, определенных условий, определенного метода»¹⁰⁵.

Не дав себе труд подумать, многие люди, часто восставали против этой формулировки. Но в конце концов разве она так уж отличается от изречения: «Изучение экономики требует определенного настроения ума (желания понять), определенных условий (режима схоластического обучения и наличие надлежащей литературы), определенного метода (следования курсу обучения, составленному людьми, сведущими в этом предмете)»??

Приблизиться к изучению суфизма, например, невозможно лишь с той точки зрения, что это – мистическая система, опирающаяся на богословские понятия и предназначенная для достижения экстатических состояний. Как говорится в суфийском четверостишии Омара Хайяма (ум. 1123)¹⁰⁶:

¹⁰⁴ Он написал «Маджма эль-Бахрейн» («Слияние двух морей»), перевод которого опубликован Азиатским обществом Бенгалии.

¹⁰⁵ В суфийском кружке даже один неподходящий участник сведет на нет усилия всей группы. Это сформулировано, например, у Саади в «Гулистане» («О манерах дервишей»).

¹⁰⁶ Омар Хайям (умер в 1223г.): суфийские учения рассматриваются в книге Свами Говинда Тиртха: см. Swami Govinda Tirtha, *The Nectar of Grace – Omar Khayyam's Life and Works* («Нектар тонкости» – жизнь и произведения Омара Хайяма),

В кельях и обителях, в монастырях и синагогах,
Одни страшатся ада, другие вожделеют рая.
Но знающий истинные тайны своего Бога
Подобных семян не сеет в своем сердце.

Вряд ли возможен какой-либо прогресс в сторону более широкого понимания суфийских идей, пока большее число ученых не воспользуется суфийскими методами толкования. Если этого не произойдет, все их усилия по-прежнему будут растрачиваться на факты второстепенной важности. А это, в свою очередь, создает проблему уже для самого суфия. Ибн аль-Араби сказал: «Суфий должен действовать и говорить, учитывая понимание, ограниченность и скрытые предрассудки, господствующие в сознании его аудитории»¹⁰⁷.

Правильное изучение суфийских идей зависит от наличия и соответствующего использования суфийской литературы, а также от контакта с суфийским Учителем.

Что касается наличия необходимой литературы, то с течением времени естественный ход событий, возможно, выправит это положение, хотя два недавних случая показывают, что и здесь возможны серьезные потери.

Некий известный ученый и специалист по вопросам суфизма на Среднем Востоке раскритиковал одну из моих последних книг, утверждая, что Мулла Насреддин – юморист, а вовсе не суфийский персонаж, служащий целям обучения. Тогда он не подозревал, и, возможно, не подозревает и до сих пор, что один европейский исследователь как раз в то время находился в Пакистане в одной дервишской общине, которая в качестве учебного материала использовала только Муллу Насреддина и ничего больше. Описание этих занятий недавно было приведено на страницах британского журнала¹⁰⁸, посвященного вопросам религии.

Но просто увеличить количество информации о суфизме еще не достаточно. Совсем недавно я, без какого-либо умысла, спросил одного западного интеллектуала, с которым столкнулся на греческом острове, о его планах на время праздников. Внезапно он опрокинул на мою голову целый ушат оскорблений. Размахивая экземпляром одной из моих книг, он кричал: «Мало того, что вы сами бессмысленно тратите время, размышляя о праздниках, вы еще и пытаетесь отнять время у человека, читающего эту книгу, которая куда важнее, чем все ваши праздники!».

Не нужно смешивать людей, убежденных, что они интересуются суфизмом или являются суфиями с теми, кто на самом деле способен изучать суфизм и получать из этого пользу. Суфизм всегда был чем-то таким, о чем нельзя судить, опираясь на воззрения тех, кто провозглашает себя его друзьями.

В наши дни для эффективного изучения суфизма, – в особенности на Западе, где интерес к нему так значительно вырос, – от будущего ученика потребуются следующее:

Понять, что большая часть доступных переводов непригодна – и в первую очередь потому, что сами оригиналы предназначались для конкретных обществ: в каждом случае для людей определенного места и культурной среды, не существующих больше в прежнем виде.

(Аллахабад, 1941); и I. Shah, *The Sufis*, стр. 164, 71. Цитируемый стих является 24-м четверостишием из Бодлианской рукописи, изданной под редакцией E. Heron-Allen, *The Ruba'iyat of Omar Khayyam* («Рубайат Омара Хайяма»), (Лондон, 1898), стр. 141. Оригинальный текст: Даг саума'а ва мадраса ва дейр ва каништ — Тирсинда зи дозакханд ва джуйа-и-бихишт. Анкас ки зи асар-и-кхуда ба-кхабар аст: З'ин тукхм дар андарун-и-дил хич накашт. Рубайат Хайяма был переведен и опубликован в 1967 г. Робертом Грейвсом и Омаром Али Шахом с критическими комментариями.

¹⁰⁷ См. английский перевод Maulvi S. A. Q. Husaini, *Ibn Al Arabi*, (Лакхор, 1931), VI, I, стр. 38

¹⁰⁸ R. Simas, *In a Naqshbandi Circle* («В кругу Накшбандов»), в журнале *Hibbert Journal*, (Весна, 1967), т. 67, № 258, и I. Shah, *Karavan of Dreams* («Караван мечтаний»), (Лондон, 1968)

Заняться поиском достоверных письменных и устных материалов и деятельности, целенаправленно предоставляемых суфиями и приложимых к культурной традиции, ко времени и прочим обстоятельствам ученика.

Признать, что все организации, кроме подлинно суфийских объединений, осознаются это или нет, всегда являются орудиями человеческого подчинения.

Проявить готовность к тому, чтобы отказаться от предвзятых мнений относительно того, что такое «изучение» и что служит предметом изучения. Не пренебрегать изучением предметов и материалов, которые могут казаться не «эзотерическими».

Выяснить, не вызван ли собственный поиск подспудным стремлением к социальному сплочению, проявлением элементарного любопытства, потребностью в эмоциональном возбуждении или удовлетворении?

Допустить, пусть даже в качестве рабочей гипотезы, возможность того, что существует сознательный, эффективный и преднамеренно созданный источник подлинного суфийского учения, действующий в настоящее время на Западе.

Книга эта ставит своей целью проиллюстрировать обычному читателю богатство и диапазон суфийских идей.

Кроме того, содержащийся в ней материал подобран и представлен применительно к людям современной культуры, являя собой вводный курс изучения.

2

Классические авторы

Аль – Газали

Философ и суфий двенадцатого столетия Аль-Газали в своей работе «Книга Знания» приводит такую строку из Эль-Мутанаби: «Больному человеку и сладкая вода покажется на вкус горькой».

Эти слова можно с успехом считать девизом Газали. За восемьсот лет до Павлова он выделил и растолковал проблему обусловленности – порой прибегая к очаровательным идиомам и притчам, порой пользуясь удивительно «современными» понятиями.

Несмотря на открытия Павлова и огромное множество книг и докладов, посвященных клиническим исследованиям человеческого поведения, которые стали появляться на свет со времен Корейской войны, обычный человек и не подозревает, сколь сильно воздействует на него внушение идей¹⁰⁹. В тоталитарном обществе к подобному виду внушения относятся весьма положительно – разумеется, если это служит укреплению верований данного сообщества. В общественных формациях иного типа люди вряд ли даже отдадут себе отчет в том, что упомянутый механизм задействован в их среде. Именно это и делает почти каждого человека уязвимым для связанных с ним последствий.

Работа Газали не только превосходит, но и превосходит современное знание в данной области. В период, когда Газали создавал свой труд, мнения специалистов расходились, можно ли считать насаждение идей (будь оно скрытым или явным) благотворной практикой, или наоборот, вредной, а также можно ли вообще обойтись без нее.

Газали не только указывает на то, что так называемая вера (убежденность) может оказаться навязчивой идеей или маниакальной фиксацией, но и совершенно недвусмысленно заявляет, в соответствии с суфийскими принципами, что подобного состояния можно избежать и для этого очень важно быть способным распознать его.

От Испании до Сирии средиземноморские фанатики сжигали его книги. Сегодня им не угрожает костер, но их влияние, не считая суфийских кругов, значительно уменьшилось, потому что мало кто с ними вообще знаком.

Газали считает, что граница, разделяющая мнение и знание, легко может быть стерта. Когда такое случается, люди, знающие, чем одно отличается от другого, ответственны за то, чтобы данное различие стало как можно более ясным.

Научные и психологические открытия Газали хотя и получили высокую оценку ученых всевозможного толка, им, тем не менее, не уделили заслуженного внимания, прежде всего вот по какой причине: он настойчиво утверждал, что отнюдь не научные или логические методы привели его к ним. Газали пришел к знанию, потому что был воспитан в среде суфиев и развил в себе определенный вид непосредственного восприятия Истины, не имеющего никакого отношения к механистическому мышлению. Это, конечно, сразу выводит его из разряда традиционных ученых. Тут невольно возникает вопрос: если его открытия настолько ошеломляющи, не должны были бы ученые, по крайней мере, попытаться выяснить, как он к ним пришел?

¹⁰⁹ Современный человек, и это одна из его самых поразительных особенностей, не расположен признавать, что убеждения человека далеко не всегда связаны с его умственным развитием, его культурным уровнем или системой ценностей, хотя немало научных доказательств, которыми он располагает, говорят именно об этом. Так что, фактически, почти что вопреки разуму, человек и сегодня предрасположен к идеологическому внушению.

«Мистицизм» заработал себе нарицательное имя, как та собака из известной поговорки: «Не можешь ее повесить, начни игнорировать». Схоластицизму свойственна такая психологическая особенность: согласишься с открытиями человека, если не можешь опровергнуть их, но не обращай внимания на то, как он к ним пришел, если это не соответствует твоему собственному представлению о методе.

Если бы Газали не добился каких-то ценных результатов, то, естественно, считался бы не более чем мистиком, и это было бы доказательством того, что мистицизм как просветительская или общественная деятельность, непродуктивен.

Влияние Газали на западную мысль повсеместно признается огромным. Но это влияние, само по себе, обнаруживает механизм обусловленности; христианские философы средневековья позаимствовали многие из его идей, но делали это выборочно, полностью игнорируя все те части его работ, которые могли поставить под сомнение их собственную практику внушения идей.

Газали своим образом мысли пытался показать более широкому кругу людей, чем относительно небольшой общине суфиев, конечное различие между верой и навязчивыми идеями. Он подчеркивал роль воспитания в насаждении религиозных верований и приглашал своих читателей наблюдать, как действует механизм этого процесса.

Далее, он настаивал на необходимости показывать, что ученые или образованные люди могут быть и часто являются глупцами, фанатиками и одержимыми. По утверждению Газали, помимо обладания информацией и способностью к ее воспроизведению, существует и такая вещь, как знание, и это есть высшая форма человеческого мышления.

Привычку путать мнение со знанием, с которой приходится ежедневно сталкиваться в наше время, Газали считал эпидемической болезнью.

В атмосфере, отнюдь не благоприятной для формирования научных взглядов, Газали оглашал все эти мысли, приводя множество примеров. Таким образом, он выступал не просто в роли диагноста, он сам овладел знанием, в суфийском смысле, и осознал, что высшее понимание, будучи по своей природе суфийским феноменом, возможно только для тех, кто способен увидеть описанное им явление и избежать его.

Газали написал огромное количество книг и обнародовал множество учений. Его вклад в сокровищницу человеческой мысли и актуальность его идей, спустя сотни лет, не вызывают сомнений. Давайте, по возможности, исправим упущения наших предшественников и рассмотрим, что он говорит о методе. Что это за Путь, по которому следовал Аль-Газали? Что должен делать человек, чтобы стать подобным ему – мировому гиганту в философии и психологии – а ведь именно таким он и был по общему признанию?

ГАЗАЛИ О ПУТИ

Пока в характере человека сохраняются тенденции к само-потаканию, алчности, гневу и нападкам на других людей, он не является человеческим существом.

Ученик должен до минимума сократить фиксацию внимания на привычных вещах, как, например, на своей общине, на своем окружении, ибо вместимость внимания имеет свои пределы.

Ученик должен считать своего учителя доктором, который знает, какое лекарство необходимо больному. Он должен служить своему учителю. Суфии обучают самыми неожиданными способами. Опытный врач безошибочно прописывает нужное средство. Все же сторонних наблюдателей могут привести в большое изумление его слова и поступки. Им не понять необходимости или целесообразности совершаемых врачом процедур.

Вот почему маловероятно, что ученику удастся задавать правильные вопросы в правильное время. Но учитель знает, что и когда человек может усвоить.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ОТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСВЯТИТЕЛЬСКОГО ХАРАКТЕРА

Газали настаивает на том, что существует связь и одновременно различие между социальными взаимоотношениями, которые, по существу, относятся к деятельности развлекательного (отвлекающего) характера – и взаимоотношениями высшего порядка.

Прогрессу индивида и группы, после их похвального начала, мешает то, что они стабилизируются на подражании и деятельности, имеющей под собой скрытую социальную основу.

Если ребенок, – говорит он, – попросит разъяснить суть удовольствия, которое заключено в обладании властью, мы можем сказать ему, что это чувство подобно тому, что он сам испытывает в своих играх. Но в действительности эти два чувства не имеют между собой ничего общего, разве что оба они относятся к разряду удовольствий.

ПРИТЧА О ЛЮДЯХ ВЫСШЕЙ ЦЕЛИ

Имам Аль-Газали приводит предание из жизни Исы ибн Марайям, Иисуса сына Марии: Однажды Иса, идя по дороге, увидел людей, понуро сидящих на стене.

Он спросил их: «О чем скорбите?»

«То, что ты видишь, случилось с нами потому, что мы боимся попасть в ад», – отвечали они ему.

Иса продолжал свой путь и, пройдя немного, увидел других людей. В безутешной печали они сидели у дороги в различных позах.

Он спросил: «О чем скорбите?»

«Желание Рая привело нас к этому состоянию», – ответили они.

Он оставил их и пошел дальше. Вскоре ему повстречалась еще одна группа людей. По их виду можно было сказать, что они многое выстрадали, но лица их светились радостью.

«Чему вы радуетесь?» – спросил их Иса.

И они ответили: «Духу Истины. Мы узрели Реальность, и это заставило нас забыть второстепенные цели».

«Вот истинно достигшие люди! – воскликнул Иса. – В день Воскресения они предстанут перед лицом Бога».

ТРИ ФУНКЦИИ СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Человек, достигший совершенства в суфийском смысле, практикует три вида взаимоотношений с людьми – в зависимости от их состояния.

Эти три типа поведения варьируются согласно следующим обстоятельствам:

- 1) форма верования, которой придерживаются люди, непосредственно окружающие суфия;
- 2) вместимость сознания учеников, которые обучаются соответственно своим способностям к пониманию;
- 3) особый круг людей, объединенных общим пониманием знания, которое приходит в результате прямого внутреннего восприятия.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ

Если человека вытаскивают из когтей свирепого льва, то не все ли ему равно, кто его спас – неизвестный или знаменитый человек. Почему же тогда люди ищут знание у знаменитостей?

ПРИРОДА БОЖЕСТВЕННОГО ЗНАНИЯ

Вопрос Божественного Знания столь глубок, что по-настоящему компетентными в нем могут быть только те, кто этим знанием обладает.

Ребенок не имеет никакого представления о достижениях взрослого человека. Обыкновенный взрослый человек не может понять достижений ученого.

Точно так же просвещенный человек еще не готов для того, чтобы оценить переживания просветленных святых или суфиев.

ЛЮБОВЬ И СВОЕКОРЫСТИЕ

Если один человек любит другого, потому что находит в том свое удовольствие, его вообще нельзя считать любящим. Такая любовь на самом деле – хотя это и не осознается – направлена на удовольствие. Сам источник удовольствия как объект внимания занимает второстепенное место и замечается лишь потому, что восприятие удовольствия развито в недостаточной степени, чтобы подлинное чувство можно было опознать и описать.

ВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОТОВЫ

Вы должны подготовиться к переходу, при котором многие вещи, ставшие вам привычными, покинут вас, – говорит Газали. – После смерти ваша личность должна будет откликнуться на влияния, предвкушения которых вы могли бы пережить еще здесь. Если у вас сохранится привязанность к нескольким знакомым вещам, то это сделает вас только несчастными.

НЕЗНАНИЕ

Люди противостоят разным вещам, потому что ничего о них не знают.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ И ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Такие встречи необходимо проводить в соответствии с потребностями времени и места. Наблюдателей с недостойными побуждениями не следует допускать в собрание. Слушая музыку, участники должны сидеть в молчании и не смотреть друг на друга. Они внимают тому, что может обнаружить себя в их собственных «сердцах».

БЕСПЛОДНАЯ ЖЕНЩИНА

Человек пришел к врачу и пожаловался на то, что его жена бесплодна. Врач осмотрел женщину, пощупал ее пульс и сказал:

– Я вижу, что жить вам осталось не более сорока дней и потому лечить вас бесполезно.

Эти слова так поразили женщину, что в течение сорока дней она даже не прикасалась к пище. Но она не умерла к указанному сроку.

Тут ее муж решил разобраться с беспечным доктором и заявился к нему. Услышав его претензии, врач сказал:

– Да, я знал, что ваша жена не умрет, зато сейчас она сможет родить.

– Но как же это возможно? – Поинтересовался человек.

И врач объяснил ему:

– Ваша жена была чрезмерно толстой, в результате чего и не могла зачать. Я знал, что только страх смерти заставит ее отказаться от еды. Зато теперь она здорова.

Знание оперирует на грани риска.

ТАНЕЦ

Ученик попросил позволения принять участие в «танце» суфиев. Шейх сказал: «Постись три дня. Затем пусть для тебя приготовят твое любимое блюдо. И тогда, если ты все же предпочтешь «танец», прими в нем участие».

КАЧЕСТВО ДОЛЖНО ИМЕТЬ НОСИТЕЛЯ

Скорость, являющаяся достоинством у лошади, сама по себе не имеет никакой ценности.

ИДИОТСКОЕ «Я»

Если вам до сих пор не удалось отыскать среди людей достойный пример преданности, изучайте жизнь суфиев. Человек должен постоянно твердить самому себе: «О, моя душа! Не пристало тебе считать себя умной и огорчаться, когда тебя называют идиоткой. Но кто же ты в самом деле есть? Ты запасаясь одеждой на зиму и не делаешь никаких приготовлений для другой жизни. Ты подобна тому, кто говорит зимой: «Не буду я носить теплой одежды, а положусь-ка лучше на Божье милосердие, и Он защитит меня от холода». Этот человек не понимает, что Бог создал холод, но предусмотрел также и необходимые средства для защиты от него».

ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ДЛЯ УЧЕНИЯ

Верблюд выносливее человека, слон крупнее его, лев превосходит человека в храбрости, корова может съесть больше, чем он, птицы отличаются большей жизнеспособностью. Человек был создан для учения.

ЦЕНА ЗНАНИЯ

Это знание несомненно имеет цену. Оно дается только тому, кто сможет его сохранить и не потерять.

Книга Знания, цитата из «Икрима»

Комментарии Джунаби

Указанное знание – это, конечно, знание суфиев. Здесь не содержится ссылки на книжное знание, воспроизводимое в письменной форме и затем сохраняемое в этом материальном носителе; ибо книжный материал не убавится, если попадет в руки человека неспособного воспользоваться им. Знание же, о котором здесь идет речь, дается в такое время и таким образом, что им проверяется и оживляется книжное знание.

«Давать знание, которое способно быть утраченным», – относится к тем случаям, когда определенным «состояниям» опознания истины позволяют раскрыться в человеке до того, как он научится удерживать в себе эти состояния; в результате человек теряет преимущества, даруемые подобным состоянием, и теряет его.

Комментарии Ахмада Минаи

В силу труднодостижимости этого факта, а также по вполне понятной лени человеческой природы, интеллектуалы решили «упразднить» любое учение, которое нельзя заключить в книги. Но это еще не значит, что такого учения не существует. Данное табу лишь усложняет задачу его нахождения и изучения, так как вышеупомянутый класс людей (интеллектуалы) приучили других вообще не искать подобные знания.

ИМУЩЕСТВО

Вы владеете только тем, что нельзя потерять при кораблекрушении.

ПРИБЫЛЬ И УБЫТОК

Хотел бы я знать, *что* в действительности приобрел человек, не имеющий знания, и *что* не приобрел тот, кто знает.

Омар Хайям

Омар Хайям был крупным философом, ученым и практическим учителем суфизма. Его имя хорошо известно в европейской литературе, главным образом, благодаря Эдварду Фицджеральду, который в викторианскую эпоху опубликовал на английском языке несколько его четверостиший. Фицджеральд, надо отметить, подобно многим восточным схоластам, вообразил, что, так как Хайям временами описывал совершенно различные точки зрения, он и сам был, в некотором смысле, жертвой противоречий собственного разума. Такое убеждение, хотя оно и типично для многих академических ученых, отличается почти такой же «глубиной» мысли, как и взгляды людей, полагающих, что когда кто-то излагает ту или иную позицию, то это значит, что он и сам ее придерживается, а если он показывает несколько различных действий, то эти действия характеризуют именно его.

Фицджеральда, однако, можно обвинить в гораздо большем, чем просто в плохой способности к пониманию. То, что он придал своим переводам Хайяма характер антисуфийской пропаганды, не может быть оправдано даже самыми яркими приверженцами этого переводчика. В результате они склонны не замечать его поразительную нечестность и призывают обратить внимание на другие аспекты.

Стихи Омара Хайяма и членов его школы, произведения которых стали общепризнанной частью данного вида учебных материалов, основаны на специальной терминологии и аллегориях Суфизма. Свами Говинда Тартха тщательно исследовал эти произведения и перевел их на английский язык. Его книга вышла под названием «The nectar of Grace» («Нектар Тонкости») в 1941 году.

Ее можно считать последним словом в передаче смыслового содержания поэзии Хайяма (насколько стихи такого рода вообще поддаются воспроизведению на английском языке). Интересно отметить, что лишь немногие западные ученые воспользовались его работой в своих толкованиях Хайяма.

Вот почему Хайям, по существу, остается почти неизвестным поэтом.

СЕКРЕТ

Да будет тайна спрятана от всех нечеловеков.
Смотри, что делаешь ты для людей,
Но Око зрения от них сокрой.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Круговорот этого мира кольцу подобен,
Мы ж, без сомненья, —
НАКШ, узор в его оправе.

ПОДОБНЫЕ СЕМЕНА

В кельях и мечетях, в монастырях и синагогах
Одни боятся ада, другие мечтают о рае,
Но тайны своего Бога познавшие,
Не взрастили в своих сердцах подобные семена.

ВРАГ ВЕРЫ

Я пью вино, и слышу от недругов справа и слева:
«Не пей спиртного, ведь это против веры».
Но если знаю я, что пить противно вере,
Во имя Бога, дайте мне напиться,
Я пью врага, чья кровь должна пролиться.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Запрет вина исходит из условий:
Кто пьет вино, как много пьет и с кем.
Когда три эти правила соблюдены как должно,
Коль мудрый пить не должен, кому скажи ты, можно?

Вы, ночи напролет стоящие в молитве,
И вы изгнанники, бегущие от мира —
Никто из вас до суши не добрался,
В безбрежном океане несетесь кто куда.
Единый бодрствует, все остальные спят.

Когда заснул я, Мудрость прошептала мне:
«Где видел ты, чтоб роза счастья расцвела во сне?
Зачем избрал ты то, что близко к смерти?
Испей «вина»: ведь долгий сон тебя ждет после смерти».

Друзья, во время ваших встреч
Почаще вспоминайте Друга.
Когда вы пьете вместе дружно и наступает мой черед,
Вверх дном вы опрокиньте кубок¹¹⁰.

Те, кто ушли до нас, О, Кравчий,
В пыли самодовольства спят.
Ступай, вкушай «Вино» и Истину услышь;
О чем они лишь только говорили,
Надежно держим мы в руках своих,
О, Кравчий.

¹¹⁰ Перевод А. Степанова – прим. перев.

ПОД ЗЕМЛЕЙ

О, невнимательный невежда, ты ведь не золото,
Чтоб доставать тебя из-под земли
Когда, однажды, ты сойдешь туда.

ЧЕЛОВЕК

Узнай кем может быть сей человек земли, Хайям —
Фантазий отсветом – снаружи, сияющим светильником – внутри.

НЕ УХОДИ С ПУСТЫМИ РУКАМИ

Туда отсюда уходя, дружище,
Товар реальный захвати с собой,
В пустых руках нет пользы на торжище.

Я ЕСТЬ

Люди различных толков, сколько их есть,
Имеют свою собственную обо мне теорию.
Но я – это я,
Я есть то, что я есть.

Аттар из Нишапура

Аттар – один из величайших классических литературных мастеров Суфизма и вдохновитель Руми, но его произведению «Memorials of the Saints» (Воспоминания о святых)—представляющему собой собрание сказок и учений суфийских мудрецов, пришлось дожидаться семь с половиной веков, прежде чем оно было переведено на английский язык. Несмотря на растущий интерес к суфизму западных исследователей, никто иной как индийский отшельник д-р Банки Бехари в 1961 г. осуществил первое английское издание этой книги, включив в нее шестьдесят два избранных отрывка.

Всего Аттару принадлежит около ста сорока книг. Из них наиболее известны суфийская «Божественная Книга», «Парламент Птиц» и «Книга Назиданий».

Он передавал свои учения путем иллюстративных жизнеописаний, притч, афоризмов, поучительных басен, содержащих в себе не только моральные поучения, но и аллегорические описания особых стадий человеческого развития. Так, например, в «Парламенте птиц» он обрисовал характерные фазы человеческого сознания, хотя они изображаются в виде событий, происходящих с отдельными людьми или человеческим обществом в целом.

Аттар использует тему «путешествия» или «поиска» как аналогию последовательного продвижения человеческой души на пути к совершенству.

Он предсказал монгольское нашествие тринадцатого века и отпустил своих учеников, отправив их в безопасные места, а сам, как сообщают, погиб от рук солдат Чингиз Хана, отказавшись принять почести от монгольских завоевателей.

Суфийские предания утверждают, что работа Аттара важна, так как, взятая в целом, она способствует укреплению социального устройства и этических норм Ислама, тогда как особые фрагменты из его писаний содержат материал посвятительского характера, глубоко скрытый за теологическим фасадом.

ОТВЕТ ИИСУСА

Однажды несколько израильтян поносили Иисуса, когда он проходил по их улице. Он же в ответ возносил за них молитвы.

Некто спросил его: «Ты молишься за этих людей, неужели ты на них не гневаешься?» Иисус ответил: «Я могу тратить только то, что есть в моем кошельке».

СЕРДЦЕ

Один человек подошел к юродивому, который заливался горячими слезами, и спросил его: – Почему ты плачешь?

– Я плачу, чтобы пробудить жалость в Его сердце, – ответил безумец. Тогда прохожий сказал:

– Ты говоришь бессмысленные слова, ведь у Него нет физического сердца.

– Нет, это ты заблуждаешься, – возразил ему безумец, – ибо Ему принадлежат все сердца на свете. Сердце может связать тебя с Богом.

ПОДНЕСЛИ НЕДОЗВОЛЕННЫЙ ДАР

Что!?! Вы хотите какой-то суммой денег

Вычеркнуть мое имя из Списка Дервишей?

РАССКАЗ О ФАЗЛЕ-РАБИ

Один бедный старый человек пришел как-то к Фазлу-Раби по какому-то делу. Вследствие своей слабости и нервозности, старец воткнул железный наконечник своего посоха прямо в ногу Фазла-Раби и от нестерпимой боли Фазл то бледнел, то краснел, но не обронил ни слова. Почтительно выслушав старика до конца, он взял его прошение и поставил на нем свою подпись.

Когда старик удалился, довольный тем, что его просьба была удовлетворена, Фазл позволил себе рухнуть на пол.

Один из придворных, присутствовавший при этом, воскликнул:

– Мой Господин, Вы, истекая кровью, выслушивали слабоумного старика, который пронзил своим посохом вашу ногу, и ничего не сказали, совсем ничего!

Фазл-Раби ответил:

– Я не показывал боли, опасаясь, что старый человек сильно расстроится и в смущении уйдет, так и не решив своего вопроса. Его нужда столь велика, как мог я доставить ему лишние огорчения?

Будь настоящим человеком: учись благородству мыслей и действий у Фазла-Раби.

РАБ БЕЗ ХОЗЯИНА

Некий дервиш, скитаясь по свету, в заплатанном одеянии, с почерневшим от солнца лицом, пришел в Куфу, где его увидел какой-то купец. Тот поговорил с ним и решил, что он, судя по всему, раб, потерявший своего хозяина.

– У тебя кроткий характер, так что я нареку тебя именем «Хайяр» («Добрый»), – сказал купец, – Ты не из рабов ли?

– Да, я раб, – ответил Хайяр.

– Тогда я возьму тебя к себе. Ты будешь работать на меня, пока я не разыщу твоего хозяина.

– Это именно то, что мне надо, – сказал Хайяр, – ибо вот уже много лет я ищу своего Господина.

Итак, Хайяр проработал много лет у этого человека и научился от него ткачеству. Отсюда пошло его второе имя «Насадж» («Ткач»).

Видя беззаветную службу Хайяра, купец, однажды, почувствовал угрызения совести и решил, что не должен его больше эксплуатировать.

– Я не знаю, кто ты, – сказал он ему, – но отныне ты можешь считать себя свободным.

Хайяр Насадж, Великий Мастер Пути, отправился дальше в Мекку, нисколько не жалея о случившемся, так как раскрыл для себя, как продолжать свое развитие, не имея имени и будучи в положении раба.

Он был учителем Шибли, Ибрахима Кхаваса и многих других Великих Суфийских Мастеров. Умер он более тысячелетия назад, в возрасте ста двадцати лет.

ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУК

Один человек задумал продать грубый ковер. Он вышел на улицу и стал предлагать его прохожим.

Первый же покупатель, которому он показал ковер, сказал:

– Твой ковер грубо сработан и очень протерт. После чего предложил купить его по очень низкой цене.

Когда сделка состоялась, человек, приобретший ковер, повернулся и окликнул какого-то прохожего:

– Взгляни на этот бесподобный ковер. Он мягок, как шелк.

Случайно рядом оказался суфий. Он видел, как одному и тому же ковру были даны два совершенно противоположных описания: одно, когда его покупали, и совсем другое, когда его продавали. И тогда суфий обратился к продавцу ковра:

– О, торговец, умоляю, помести меня в твой волшебный сундук, который превращает грубый ковер в мягкий или, быть может, способен из ничего сотворить драгоценный камень!

ЛУНА

Луну спросили:

– Какое твое самое заветное желание?

Она ответила:

– Чтобы солнце исчезло и навсегда скрылось в облаках.

ПЯТЬСОТ ЗОЛОТЫХ МОНЕТ

Один из последователей Джунаида принес ему кошелек, в котором было пятьсот золотых монет.

– У тебя еще есть какие-нибудь деньги, кроме этих? – спросил суфий.

– Да, есть, – ответил человек.

– А, ты хотел бы иметь еще больше?

– Хотел бы.

– В таком случае, ты должен оставить эти деньги себе, ибо нуждаешься в них больше, чем я. У меня ничего нет, но я ничего и не желаю. У тебя же есть много, а ты хочешь еще больше.

БЕЗУМЕЦ И МУЭДЗИН

Один муэдзин в Исфахане залез на минарет и стал призывать к молитве. Мимо проходил сумасшедший, и кто-то спросил его: – Послушай, что делает этот человек на минарете?

– Он трясет пустой ореховой скорлупой, – ответил сумасшедший.

Когда вы произносите девяносто девять Имен Божьих, вы точно также играете с пустой ореховой скорлупой. Как можно через имена постичь Бога?

Поскольку невозможно выразить в словах Божественную Суть, лучше вообще не произносить слов.

«Китаб-Илахи»

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФОРМАТ

Однажды, когда Омар, Товарищ Пророка, просматривал какую-то еврейскую священную книгу, пророк Мохаммед сказал ему:

– Ты слишком небрежен с этой книгой. Если хочешь извлечь из нее хоть какую-нибудь ценность, стань иудеем. Быть совершенным иудеем лучше, чем быть несовершенным мусуль-

манином, баловаться же с этой еврейской книгой – значит проявлять нерешительность, лишая себя преимуществ обоих путей.

Поступая так, ты впадаешь в заблуждение, не являясь ни тем, ни другим, ты ни верующий, ни неверующий. Каково же тогда твое состояние, как его описать?

«Китаб-Илахи»

РАССКАЗ О МОИСЕЕ

Однажды Моисей попросил Бога показать ему одного из друзей Божьих, и голос сказал: – Ступай в такую-то долину. Там ты найдешь того, кто любит Меня, избранного, который идет по Пути.

Моисей пошел, куда ему было велено, и нашел этого человека, одетого в лохмотья, осаждаемого всевозможными насекомыми и ползающими тварями.

Он спросил:

– Могу ли я тебе чем-нибудь помочь?

Человек сказал:

– Посланник Божий, принеси мне воды, ибо меня мучает жажда.

Когда Моисей принес ему воду, то увидел, что человек этот уже мертв и бездыханный лежит на земле.

Тогда Моисей пошел искать ткань для савана и, возвратившись, увидел, что тело отшельника было растерзано пустынным львом.

В безмерном отчаянии Моисей воскликнул:

– Всемогущий и Всезнающий. Ты создал человека из праха. Одних людей Ты возносишь в Рай, других предаешь мучениям; одни счастливы, другие страдают. Этого противоречия никто не в состоянии понять.

И сказал внутренний голос Моисею: «Этот человек всегда уповал на Нас, когда его мучила жажда. Но теперь он отказался от упования. Он обратился к Моисею со своей нуждой, доверившись посреднику. Его вина в том, что он попросил помощи у другого, после того, как довольствовался Нами».

Сердце твое снова и снова устремляется к разным объектам. Ты должен знать, как сохранять связь со своим источником.

«Илахи-Нама»

ДУШИ ДО СОТВОРЕНИЯ МИРА

Послушай рассказ о том времени, когда существовали одни только души и не было тел. Это время длилось всего лишь несколько лет, но каждый год тогда равнялся нашему тысячелетию.

Все души были выстроены в ряд, и их взору был представлен мир. Каждые девять душ из десяти спустились в него.

Затем оставшимся душам показали рай. Девять из десяти устремились к нему.

Оставшимся после этого душам показали ад. И каждые девять из десяти в ужасе бежали от него.

Итак, осталось всего несколько душ, которых вообще ничего не тронуло. Их не привлек к себе мир, они не возжелали рая и не испугались ада.

Небесный голос обратился к этим душам с такими словами:

– Идиотские души, чего же вы хотите?

Души ответили в один голос:

– О, Ты, Знающий все, знай, что мы хотим лишь Тебя и не хотим лишиться Твоего присутствия.

Голос сказал:

– Желать нас рискованно, это причиняет лишения, связано с большими трудностями и грозит неисчислимыми опасностями.

– Мы с радостью примем любые испытания ради того, чтобы быть с Тобой, – воскликнули души, – Мы лишимся всего, чтобы приобрести все.

«Илахи-Нама»

ИСПЫТАНИЕ

Рассказывают о Шагике Балхском, что он однажды сказал своим ученикам:

– Я целиком положился на Бога и отправился через пустыню с одним единственным медяком в кошельке. Совершив паломничество, я возвратился назад, а этот медяк по-прежнему лежит в моем кошельке».

Тут поднялся какой-то юноша и обратился к Шагику:

– Если у вас был медяк в кошельке, как можете вы утверждать, что полагались на что-то высшее?

– Мне нечего возразить этому молодому человеку, – сказал Шагик, – ибо он совершенно прав. Когда человек полагается на невидимый мир, ему не следует чем-либо запасаться, пусть даже самым незначительным!

«Китаб-Илахи»

МУХАММЕД, СЫН ИСЫ

Мухаммед, сын Исы, был одним из веселых сотрапезников Повелителя Правоверных. Остроумием и находчивостью он превосходил всех других приближенных.

Однажды он проезжал по улицам Багдада в окружении многочисленной свиты.

– Что это за человек? – спрашивали друг друга люди, – Как великолепен его наряд! Как он держится в седле! Ах, как он богат!

Какая-то хромая старуха, проходившая мимо, сказала восхищенной толпе:

– Это совсем не богатый человек, а бедный. Ибо если бы Аллах не отказал ему в своей милости, разве в нем было бы столько тщеславия.

Услышав это, Мухаммед сын Исы тут же соскочил с коня, покрытого пышной попоной, и признал, что женщина правильно оценила его состояние. С этого дня он презрел богатство и все показное.

ВОСПРИЯТИЕ СУМАСШЕДШЕГО

Жил был один сумасшедший, который никогда не посещал молитвенных собраний. Однажды в пятницу людям удалось, наконец, с большим трудом, убедить его прийти на моление.

Но как только мулла запел слова молитвы, безумец начал мычать, подражая волю.

Люди решили, что у него опять начался припадок безумия, но в то же время, искренне желая ему помочь, они, когда моление окончилось, принялись его увещевать:

– Ты разве не имеешь никакого представления о Боге? Зачем ты заревел как животное посреди религиозного собрания?

Сумасшедший ответил:

– Я делал лишь то, что делал ведущий. Произнеся первые слова молитвы, он стал покупать вола, ну я и замычал волом!

Эти странные слова были переданы руководителю собрания, и он сообразил:

– Когда я запел: «Бог превыше всего», – в голову полезли мысли о моем хозяйстве. И затем, когда я дошел до слов: «Слава Господу» – я вспомнил вдруг, что собирался купить быка. В тот же миг я услышал какое-то мычание.

СКУПЕЦ И АНГЕЛ СМЕРТИ

Один скряга трудом, торговлей и ростовщицеством скопил триста тысяч динаров. Он владел поместьями, домами и множеством других богатств.

Но вот однажды, решил он, что проведет следующий год в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая, и составил план на будущее.

Но почти сразу, как только скупец перестал копить деньги, за ним явился Ангел Смерти.

Пытаясь договориться со смертью, скряга пустил в ход всевозможные доводы, какие только приходили ему на ум, но Ангел был непоколебим. Тогда человек сказал:

– Дай мне только три дня, и я отдам тебе треть моих богатств.

Ангел отказался и потянул душу к себе, собираясь ее унести.

– Если бы ты позволил мне пробыть на земле еще два дня, я отдал бы тебе двести тысяч динаров из моей казны, – взмолился скряга.

Ангел и слушать его не хотел. Ни на один лишний день не соглашался он продлить жизнь скряге, даже за все его триста тысяч.

– Смилуйся надо мной, дай хотя бы написать короткую записку, – отчаянно возопил к нему скупец.

На этот раз Ангел уступил, и человек написал собственной кровью такие слова:

«Человек, не растрачивай свою жизнь. Ни единого часа не смог я купить за триста тысяч динаров. Позаботься о том, чтобы понять ценность своего времени».

ОСЛИНАЯ ГОЛОВА

Один безумец увидел на шесте ослиную голову и спросил: – Зачем здесь эта голова?

Ему ответили: – Чтобы отогнать дурной глаз.

– У вас ослиные мозги, – сказал глупец, – вот почему вы выставили здесь ослиную голову. Даже при своей жизни ей не удавалось избежать плетей хозяина. Как же сейчас, будучи мертвой, она сможет отогнать дурной глаз?

АБСУРДНОСТЬ И НЕВЕЖЕСТВО

То, что кажется абсурдом, таковым не являясь, лучше, чем невежество человека, который считает это абсурдом.

СВЕТ

Истинный влюбленный находит свет, когда, подобно свече, сжигает себя, становясь своим собственным топливом.

ХРИСТИАНЕ И МУСУЛЬМАНЕ

Некий христианин принял мусульманство. Но на следующий день он стал пить вино. Его мать, увидев, что он пьян, сказала:

Сын мой, что ты делаешь? Своими действиями ты оттолкнул от себя Иисуса и не смог угодить Мохаммеду. Не покидай своей религии. Никому еще не удавалось оставаться человеком, служа идолам и одновременно придерживаясь иной веры.

ВЕТКА НЕ СОЗНАЕТ СВОЕГО ПОЛОЖЕНИЯ

Какой-то человек срубил дерево.

Рядом находился суфий, который все видел и сказал:

– Взгляни на эту зеленую ветку, которая полна живительных соков, Счастливая, она не ведает, что срублена.

– Ей невдомек чего она лишилась, но в свое время к ней придет осознание.

– А пока ни в чем убедить ее невозможно.

Отсеченность от источника и невежество – таково состояние человека.

СТРЕЛА

Стрела, выпущенная из лука, может полететь прямо, а может и уклониться, это зависит от меткости лучника.

Но разве не странно, что когда стрела летит, не отклоняясь от цели – в этом заслуга стрелка, когда же она пролетает мимо цели, проклятия обрушиваются на стрелу?

ЦАРЬ МАХМУД И БОБЫ

Однажды могущественный правитель Махмуд отбил на охоте от своей свиты. Блуждая по лесу, он выехал на дымок, поднимавшийся от небольшого костра. Подъехав поближе, он увидел старую женщину, которая готовила что-то на огне.

– Сам государь пожаловал к тебе в гости, – сказал Махмуд, – ну ка, ну ка, что это ты там приготовила?

– Похлебку из бобов, – ответила старуха.

– Бабушка, а не угостишь ли ты меня своей стряпней? – спросил правитель.

– Нет, – сказала женщина, – потому что я готовила только для себя. Все твое королевство не стоит моих бобов, ты можешь желать моих бобов, мне же из твоих богатств ничего не надо. Мои бобы в сто раз лучше всех твоих сокровищ. Посмотри, сколько у тебя врагов, притязающих на каждую мелочь, которой ты владеешь. А я свободна и у меня есть собственные бобы.

Махмуд посмотрел на бесспорного владельца бобов, подумал о своих спорных владениях и заплакал.

НЕВЕДЕНИЕ

Здесь и в этом состоянии ты ничего о себе не знаешь.

Ты подобен воску медовых сот, разве знает он, что значит гореть и плавиться?

Когда воск достигает ступени восковой свечи, излучающей свет, к нему приходит знание.

Точно так же и тебе будет дано узнать, что при жизни ты был мертв и только почитал себя живым.

СУМАСШЕДШИЙ И БОРЕЦ

Подвыпивший сумасшедший крикнул вслед проходившей мимо похоронной процессии:

– Кем был этот человек, угодивший в лапы смерти?

– Это тело принадлежало первоклассному борцу, о безумец, молодому юноше, умершему в расцвете лет, – ответили ему из толпы.

И сказал тогда сумасшедший:

– Он пал от руки более могущественного противника, не подозревая о том, что это может с ним случиться.

ДВА КОЛЬЦА

У одного человека были две возлюбленные, к которым он питал одинаковую любовь. Однажды они пристали к нему с расспросами, кого из них он любит больше.

Человек пообещал ответить им через некоторое время. Затем он заказал два совершенно одинаковых кольца и каждой, втайне от другой, подарил по кольцу.

Когда женщины пришли к нему за ответом, он сказал:

– Я люблю больше ту из вас, у которой есть кольцо.

И ЭТО ПРОЙДЕТ

Жил когда-то великий царь, владевший многими землями. Столь велико было его могущество, что мудрецы были у него в подручных. Но вот однажды его одолело какое-то замешательство, он созвал к себе своих мудрецов и сказал им:

– Не знаю, почему, но что-то подсказывает мне, что я должен найти некое кольцо, благодаря которому смогу всегда восстанавливать душевное равновесие. Это должно быть такое кольцо, чтобы от одного взгляда на него, я мог развеять свою печаль, когда почувствую себя несчастным, и, наоборот, предаться печальным мыслям, когда буду чрезмерно упиваться своим счастьем.

Мудрецы стали совещаться между собой, после чего погрузились в глубокое размышление и, наконец, пришли к решению, как удовлетворить требование монарха. Они велели изготовить кольцо и выбить на нем надпись: «И ЭТО ПРОЙДЕТ».

КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ ПРЕДВИДЕЛ СВОЕ БУДУЩЕЕ

Какой-то король, который был к тому же еще и астрологом, определил по звездам, что в определенный день и час на него обрушится несчастье.

Он выстроил себе дом в цельной скале и окружил его бесчисленной охраной.

Однажды, находясь в своем укрытии, монарх вдруг обнаружил, что может видеть дневной свет. Он отыскал отверстие и заделал его, чтобы преградить беде всякий доступ к нему. Но, заделав этот вход, царь собственными руками заживо замуровал себя.

Это и привело его к гибели.

ЭТО ПРОСТРАНСТВО

Рассказывают, что в текии Атгара, с внутренней стороны арок, в зале размышлений, были начертаны слова:

«Место сие ожидает мудреца (Хакима) Тамтима».

Шейх Атгар велел своим старшим ученикам отмечать поведение каждого нового посетителя по отношению к этой надписи.

Он предсказал, что те, кто при виде надписи поведут себя определенным образом, сумеют развить свои мистические силы правильно и быстро, те же, кто отреагируют на нее как-нибудь иначе, уйдут сами или же им придется отказать в обучении.

Сам Атгар никогда не спрашивал, какой кандидат как себя повел. Но ученики наблюдали в течение ряда лет, что всё происходило именно так, как он предсказывал.

Однажды его спросили, почему он написал здесь эти слова, и он сказал:

– Чтобы показать людям, лишенным тонких восприятий, что даже незначительные внешние признаки определенных переживаний у тех или иных людей, могут указывать на наличие или отсутствие у них внутренних способностей, если знаешь, как провести такого рода испытание.

Ибн Эль-Араби

Мохиудин ибн Эль-Араби – один из великих Суфиев средневековья. Как было показано в наши дни, его жизнь и учение оказали значительное влияние на восточное и западное мышление. Арабы его называли Шейхом эль-Акбаром, «Величайшим Шейхом», а на христианском западе этот титул буквально перевели как «Доктор Максимус». Он умер в тринадцатом веке.

КАК ВОЗНИК ТИТУЛ?

Джафар, сын Яхьи из Лиссабона, решил найти суфийского «Учителя Века» и с этой целью отправился в Мекку. Он был в то время юношей. Там он встретил таинственного чужеземца, человека в зеленой одежде. Джафар не успел и слова вымолвить, как тот сам обратился к нему:

– Ты ищешь величайшего Шейха, Учителя Века, но ты ищешь его на Востоке, а он на Западе. И к тому же ты допустил еще одну ошибку в своем поиске.

Итак, он послал Джафара назад в Андалузию и велел разыскать человека по имени Мохиудин, сын Эль-Араби из рода Хатем-Тая. «Это и есть Величайший Шейх», – сказал чужеземец.

Никому не говоря о причинах своего поиска, Джафар нашел семью Тая в Мурсии и спросил об их сыне. Из их рассказа ему стало понятно, что в то время, когда он отправлялся в путешествие, Мохиудин действительно находился в Лиссабоне. Наконец Джафар напал на его след в Севилье.

«Вот это и есть Мохиудин», – сказал какой-то духовник, указывая на обыкновенного школьника, который выбегал из класса с книгой Традиций в руках.

Джафар был немало изумлен, но, все же остановил мальчика и спросил:

– Кто Величайший Учитель?

– Мне нужно время, чтобы ответить на ваш вопрос, – ответил мальчик.

– Ты единственный Мохиудин сын Эль-Араби из рода Тая?» – спросил Джафар.

– Да, других нет.

– Тогда я в тебе не нуждаюсь.

Спустя тридцать лет, находясь в Алеппо, Джафар очутился в лекционном зале Величайшего Шейха, Мохиудина Эль-Араби из рода Тая.

Мохиудин заметил Джафара, когда тот входил и обратился к нему:

– Теперь, когда я готов ответить на твой вопрос, задавать его уже нет никакого смысла. Тридцать лет назад ты, Джафар, во мне не нуждался. Ты все еще во мне не нуждаешься? Зеленый говорил тогда о некоей неточности в твоём поиске. Он имел в виду время и место.

Джафар, сын Яхьи, стал одним из самых выдающихся учеников Эль-Араби.

ВИДЕНИЕ В МОСУЛЕ

Один искатель, поднаторевший в вызывании особых духовных состояний, испытывал немалые трудности из-за того, что не мог их конструктивно интерпретировать. Он обратился к великому шейху Ибн Эль-Араби за руководством по поводу сна, глубоко потрясшего его в Мосуле, на территории Ирака. Там Искателю пригрезилось, что великий мастер Маруф из Карха сидит в середине адского пламени. «Возможно ли такое, чтобы благородный Маруф попал в ад?» – задавался вопросом искатель.

Трудность возникла из-за того, что человек этот неверно воспринимал собственное состояние. Ибн Эль-Араби, постигнув внутреннее «я» искателя и его незрелость, осознал, что того смутил огонь, окружавший великого Маруфа. Незрелая часть ума истолковала огонь

как некую силу, которая захватила Маруфа против его воли. На самом же деле огонь означал барьер, разделявший состояние Маруфа и состояние искателя.

Если искатель стремился достичь состояния бытия Маруфа, иначе говоря, сферы постижения, символично представленной в видении образом Маруфа, он должен был пересечь область, которую символизировал огненный круг.

Благодаря этому толкованию Искатель сумел понять свою ситуацию и открыться для опыта, которого ему все еще не доставало.

Ошибка его была в том, что он принял образ Маруфа за самого Маруфа, а огонь – за адское пламя. Получение впечатлений (накш) – это еще не все.

Ведомые верным путем должны правильно отображать свои впечатления – в этом заключается их функция, для выполнения которой необходимо овладеть искусством называемым ТАСВИР (наделять картину смыслом).

ТРИ ВИДА ЗНАНИЯ

Ибн Эль-Араби обучал своих учеников этому древнейшему положению:

Знание бывает трех видов. Во-первых; интеллектуальное знание. Данное знание является, в сущности, только лишь информацией и собиранием фактов, которыми пользуются для того, чтобы прийти к последующим умозаключениям. Это – интеллектуализм.

Во-вторых, есть знание, приходящее из состояний, куда входят как эмоциональные переживания, так и странные состояния бытия, когда человек чувствует, что пережил что-то высшее, но еще не может этим воспользоваться. Это чувственность (приверженность эмоциям).

И, наконец, приходит реальное знание, называемое Знанием Реальности. Такова стадия человека способного воспринять, что правильно и что истинно вне границ мысли и чувства. Схоласты и ученые концентрируются на знании первого вида. Эмоциональные натуры и эмпирики пользуются знанием второго вида. Другие объединяют оба эти вида или пользуются каждым из них по очереди.

Но истины достигли лишь те люди, которые знают, как связаться с реальностью, лежащей выше этих двух видов знания, они – настоящие суфии, Достигшие Дервиши.

ИСТИНА

Она привела в замешательство всех ученых ислама.
Всех, кто изучал псалмы,
Всякого еврейского раввина,
Всякого христианского священника.

ВЫСШАЯ ЛЮБОВЬ

Обычные влюбленные поклоняются вторичному [производному].
Я люблю Реальность.

ОСОБАЯ ЛЮБОВЬ

Полной луной в ночи выступает ее лицо

в локонах черных волос.
Восприятие ее рождается печалью: по щекам
струятся слезы очей, словно капли росы,
что роняет черный нарцисс на розу.
Никнут в молчании обычные прелестницы:
ее чудесные свойства
сбивают с толку.
Даже думая о ней, ты принизишь ее тонкость,
(мысль слишком груба, чтобы воспринять ее). А если
так, то можно ли узреть истинный облик этой
возлюбленной таким грубым органом, как глаз?
Чудо ее мимолетного появления ускользает
от медленной мысли,
Она вне зримых форм, доступных глазу.
Тщетно пыталось схватить ее описание,
она посрамила его, лишив правдивости.
Всякий раз такие попытки она обращает в бегство,
Не терпит она чтобы ей намечали пределы.
А если кто на пути к ней принижает свое стремление
(попуская своим чувствам снизойти
до понятий обычной любви),
то всегда ведь есть и другие, они никогда
себе этого не позволят.

ДОСТИЖЕНИЯ УЧИТЕЛЯ

Люди думают, что шейх должен творить чудеса и являть озаренность. Однако единственное, что требуется от учителя – это обладать всем тем, в чем нуждается ученик.

ВНЕШНЯЯ ФОРМА РЕЛИГИИ

То меня называют пастырем диких газелей, То – христианским монахом,
То – зороастрийцем.
Возлюбленный мой тройственен и в то же время Един —
Точно так же, как эти три в действительности составляют одно.

МОЕ СЕРДЦЕ МОЖЕТ ПРИНЯТЬ ЛЮБУЮ ФОРМУ

Мое сердце может предстать в любом виде. Сердце меняется, отражая изменения глубочайшего сознания. Оно может принять вид луга с газелями, монастырского скита, храма с идолами, Каабы – цели паломников, скрижалей Торы что используются в определенных науках, или завещанных листков Корана.

Моя обязанность – вернуть долг любви. Я свободно и с готовностью принимаю любую ношу, возлагаемую на мои плечи. Любовь эта подобна любви, которую испытывают все любящие, с той лишь разницей, что я люблю не явленное, а сущностное. Это моя религия, мой долг и моя вера. Назначение человеческой любви – явить любовь совершенную, реальную. Так проявляет себя сознательная любовь, а всякая другая лишает человека самосознания.

ОБУЧЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ АНАЛОГИЙ

Рассказывают, что Ибн Эль-Араби отказывался разговаривать с людьми философским языком, какими бы невежественными или учеными они ни были. И все-таки люди чувствовали, что извлекают пользу от общения с ним. Он посылал людей в экспедиции, угощал едой, развлекал беседами на какие угодно темы.

Однажды кто-то спросил его:

– Как можете вы обучать, если никогда, судя по всему, не говорите об учении?

Ибн Эль-Араби ответил:

– Я учу посредством аналогий.

И затем рассказал следующую историю:

«Один человек, беспокоясь о сохранности своих денег, схоронил их под деревом. Но когда через некоторое время он пришел за ними, то увидел, что золота нет на месте. Кто-то разрыл корни и унес клад.

Тогда он пошел к мудрецу и поведал ему о своем несчастье, сказав при этом: «Я убежден, что нет никакой надежды вернуть мои сокровища». Мудрец велел ему зайти через несколько дней.

Затем этот мудрый человек созвал к себе всех врачей города и спросил, не прописывали ли кто-нибудь из них своему пациенту для лечебных целей корни такого-то дерева? И действительно, среди них оказался врач, назначивший те самые корни одному больному.

Мудрец позвал его к себе и поговорив с ним выяснил, что именно он и нашел деньги. Он забрал их у него и возвратил законному владельцу».

«Таким же путем, – закончил Ибн Эль-Араби, – Я выясняю реальные намерения моего ученика, и то как он может обучаться. Вот тогда я и учу его».

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ

Суфий, Знающий Конечную Истину, поступает и говорит учитывая понимание, ограниченность и доминирующие, скрытые предрассудки своей аудитории.

Для суфия поклонение означает знание. С помощью знания он становится зрячим.

Суфий отказывается от трех «я». Он не говорит «для меня», «со мной», или «моя собственность». Он ничего не приписывает себе.

В недостойной скорлупе скрывается нечто ценное. Но мы стремимся к объектам второстепенной важности, пренебрегая бесценным даром.

Способность толковать подразумевает, что человек может без труда увидеть смысл того, что выражено мудрецом двумя разными способами.

СБИТЬСЯ С ПУТИ

Кто отклонился от Закона Суфиев не приобретет ничего стоящего, пусть даже слава его прогремит до небес.

Саади из Шираза

Нелегко подыскать подходящие слова, чтобы описать хотя бы приблизительно достижения классического автора тринадцатого столетия Саади. Западные критики удивлены тем, что Саади создал два великих классических труда «Фруктовый сад» (Бостан) и «Розовый сад» (Гулистан) в течение двух-трех лет. Эти основные труды, известные каждому персу и признанные образцом совершенства, отличаются почти ни с чем не сравнимым богатством материала и поэтическим изяществом. Саади был лишен материального достатка и большую часть жизни провел в странствиях. Его обучали суфийские мастера Гилани и Сухраварди.

Что касается «Розового сада», то в этом случае Саади достиг вершин мастерства (ничего подобного не было создано ни на одном из западных языков), потому как написал книгу, которая так проста по своей форме и языку, что ее используют в качестве начального пособия по изучению персидского языка, и она, на первый взгляд, кажется не более чем сводом нравоучительных афоризмов и дидактических рассказов, тогда как большинство выдающихся суфиев считают, что в ней заключено все суфийское знание, какое только можно выразить в письменной форме.

Невозможно передать то чувство изумления, которое испытывает человек, когда перед его глазами раскрываются различные уровни материала, переплетенные столь искусным способом.

Упомянутые две книги стали первоисточником для популярнейших поговорок, пословиц, практических наставлений и иллюстраций различных состояний ума, но этим не исчерпывается их ценность: они были специально написаны в такой форме, чтобы их приняли даже самые закоренелые религиозные фанатики. Таким путем Саади получил, сформировал и передал суфийское наследие. Избранная им форма классической литературы обеспечила сохранность и передачу его послания на все времена, ибо никогда и никому не удавалось отделить Саади от персидской литературы, благодаря чему Суфизм надежно защищен.

Приводимые отрывки даны в дословном переводе, чтобы показать, как его писания воспринимаются рядовым читателем.

Вынь вату невнимательности из ушей сознания,
Чтобы мудрость мертвых достигла твоего слуха.

ДВЕРЬ

Несчастливым можно считать того, кто отвернулся от этой двери.
Ибо другого входа он не найдет.

ДРАГОЦЕННОСТИ И ПЫЛЬ

Драгоценный камень, упавший в грязь, не теряет своей ценности.
Но пыль, пусть она даже поднимется на небеса, все равно останется пылью.

ДЕНЬ БИТВЫ

В день битвы понадобится проворный конь, а не медлительный вол.

АЛХИМИК И ПРОСТАК

Дурак находит сокровища в руинах, а алхимик умирает в муках и разочаровании.

ЖЕМЧУЖИНА

Дождевая капля упала с облака.
И была пристыжена величественным видом моря.
«Что я значу в сравнении с морем?» – подумала капля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.